

СКАЗАНИЯ
МЕЖДУКНЯЖЬЯ.
ПРОЗРЕИ
Тейра Ри

18+

Сказания Междукняжья

Тейра Ри

Сказания Междукняжья. Прозрей

«Автор»

2026

Ри Т.

Сказания Междукняжья. Прозрей / Т. Ри — «Автор»,
2026 — (Сказания Междукняжья)

В Междукняжье, где люди живут под властью Вящего Совета и поклоняются Великой Безокой Праматери, порядок держится на страхе и слепой вере. Братство гонителей веками безжалостно истребляет ведающих и нечисть, защищая мир от колдовства. Берг — гонитель, человек, привыкший неукоснительно подчиняться приказам. Его преданность Вящему Совету непоколебима. Но однажды он сталкивается с ведьмой Веяной, и оказывается втянут в противостояние сил, о существовании которых и не подозревал. В душе Берга зарождаются сомнения. Правда ли, что ведающие и нечисть — враги Междукняжья? Тем временем граница между Явью и Навью истончается, а черные вихри, прозванные Вехами, пожирают все живое. Теперь Берг хочет спасти всех, но возможно ли это?

© Ри Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
О сотворении мира	6
Глава 1. Давно забытое	8
Глава 2. Чем прогневал Тебя?	15
Глава 3. Недоумение	19
Кодекс Братства гонителей	25
Глава 4. Раскаяние	26
Глава 5. Не сочти грехом	32
Глава 6. Что в тени прячется?	38
Глава 7. Все чуднее	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сказания Междукняжья. Прозрей

От автора

Приветствую тебя, странник, ступивший на просторы Междукняжья!

Ты держишь в руках первый том цикла «Сказания Междукняжья». Эта история перенесет тебя в мир, полный тайн, опасностей и судьбоносных решений.

На страницах романа встретятся слова, названия и понятия, смысл которых раскрывается не сразу. Чтобы тебе было легче ориентироваться в созданном мной мире, я поместила в конце книги **гlossарий**. В нем можно найти названия княжеств и имена их правителей. Он поможет разобраться в структуре духовенства Междукняжья и Братства гонителей, в котором состоит главный герой. Там же хранятся сведения о ведьмах, населяющих эти земли, и различиях между ними.

Доброй дороги!

О сотворении мира

*«... чтобы больше ни один из них не
дерзнул поднять головы без Ее
дозволения, не обрел бы голоса, и
очи их не прозрели бы, и не
услышали бы они молитву, от
которой силу они вновь обрести
могут...»*

***Из «Слова о Великой Безокой и Ее двенадцати сынах», часть VII «О
гневе и каре неминуемой»***

Давным-давно, когда не было еще ничего, существовала лишь Она – Праматерь, преисполненная желания жить и нести жизнь. Из желания того создала Она целый мир.

Взмахнула Праматерь мечом, отрезала волосы Свои смоляные и соткала из них основу, ставшую землей, на которой воздвигла горы, расстелила равнины и посеяла леса. Кровь свою Праматерь превратила в воду, и потекли по земле реки, расплескались моря, заискрились озерные глади. Обдала Праматерь мир тот дыханием Своим – взвились в небеса беспокойные ветры. Сияние правого глаза Ее сделалось солнцем, левого – луной, и стали светила сменять друг друга на небосводе.

Горячо полюбился Праматери созданный мир, так восхитил Ее, что от счастья вырвались из груди Ее рыдания, слезы бурными потоками полились по щекам и дождями обрушились на землю. Каждая капля того дождя стала живым существом: птицей, рыбой, зверем, насекомым, а самые крупные слезинки превратились в людей. Сделался мир Праматери по-настоящему полным и живым.

Шло время, быстро плодились животные, стремительно разрасталось племя людское. Вскоре сложно стало Праматери одной за всем приглядывать. Тогда вытащила Она из Себя душу, отделила от нее двенадцать кусочков, слепила из них двенадцать младших богов и стала для них матерью. Красавцами вышли сыновья Праматери, до того хороши, что глаз не отвести да не сыскать слов, способных описать их великолепие.

Передала Праматерь детям все знания, которыми Сама владела, и велела им приглядывать за людьми, направлять их на путь праведный и не давать свернуть с него. А чтобы сыновья не спорили, чей черед раздавать людям советы, да назначать наказания за непочтение к богам или иные грехи, Праматерь разбила год на двенадцать частей и строго-настрога наказала детям установленный Ею порядок не нарушать, иначе быть беде. После чего Праматерь отправилась на заслуженный отдых и уснула крепким сном, уверенная, что сыновья не подведут.

Да только ошиблась Великая Богиня. Недолго Ее сыновья жили в мире. Вскоре выграла в них гордыня и алчность. Жажда власти затмила умы юных богов. Каждый хотел быть выше и значимее других. Без конца боролись они меж собой за людское внимание. Ведь знамо дело, чем больше у бога последователей, чем чаще смертные молятся ему и приносят подношения, тем сильнее он становится.

Сами того не осознавая, юные боги не только одаривали своих верных последователей всевозможными чрезмерными благами, чтобы переманить на свою сторону, но и вредили им нещадно. Устраивая меж собой сражения, двенадцать братьев то и дело роняли на землю молнии, проливали ливни, обрушивали ураганы и сотрясали твердь земную могучими ударами так, что шла она трещинами глубокими, в которые проваливались целые города.

Люди впали в отчаяние. Не осталось на земле ни единого безопасного места, перепутались окончательно времена года: утром могло быть лето, а к обеду уже воцарялась зима лютая,

не успевали зазеленеть листья на деревьях, как тут же желтели и опадали. Темные настали времена, от холода, голода, ураганов, наводнений и землетрясений люди гибли тысячами. Тогда-то последние выжившие собрались вместе и взмолились Великой Праматери.

Услышала Праматерь голоса творений Своих, очнулась от глубокого сна и пришла в ужас от того, во что превратили юные боги так любимый Ею мир. Взъярилась Праматерь на детей Своих так, что не дала им ни единого шанса оправдаться и исправить свои ошибки. Выковала Она из Своей силы божественной двенадцать цепей и скрутила теми цепями сыновей навеки вечные, лишив их возможности говорить, видеть и слышать. Концы цепей прикрепила Праматерь к Своему поясу, чтобы никогда уж не утратить контроль над чадами непокорными. После выколола Себе глаза, дабы не взирая на страдания собственных детей и не проникнуться к ним жалостью, пленившись ликами прекрасными и невинными, кои умудрились сохранить юные боги, несмотря на все зверства, которые сотворили. С того дня обречены были сыновья Праматери до скончания времен недвижимо стоять перед родительницей на коленях с покорно опущенными головами в извечном мраке и звенящей тишине.

В человеческий мир вернулись мир и порядок. Взамен разрушенных возникли новые княжества. Воздвигли люди новые города, в каждом из которых непременно возвышался величественный собор Великой Безокой Праматери, где все, и стар и млад, почитали обожаемую спасительницу свою.

Сыновей Праматери в священных писаниях называли скованными богами. Отрекся от них род людской. Однако решено было запечатлеть их имена в названиях месяцев: Янвад, Февран, Мартуш, Апель, Маюш, Июнар, Ильюш, Август, Сентар, Октар, Наяш, Декар, чтобы никогда не забывать о хаосе, в который может погрузиться мир за считанные дни, и о жертве Праматери, обрекшей детей Своих на вечные муки, ради блага человечества.

Глава 1. Давно забытое

год 547 от Дня усмирения сынов, начало лета

О том, что ему не дожить до седин, Берг знал всегда. Нельзя стать гонителем и при этом наивно верить, будто ты встретишь свой конец в какой-нибудь уютной усадьбе на берегу реки в окружении шумных внучат, на которых будешь с умилением взирать, крепко сжимая руку любимой супруги.

Нет.

Реальность такова, что лежать целехоньким в открытом гробу, пока с тобой прощаются близкие – это уже большая удача. Ведь куда чаще в деревянный ящик кладут ошметки того, что некогда было человеком, а нередко от тел гонителей и вовсе ничего не остается, и тогда...

Берг с трудом вдохнул. В горле булькнула кровь, и он закашлялся, брызжа карминовой слюной. Боли уже не чувствовал, только мелкую дрожь, что беспрестанно сотрясала холодеющее на ледяном ветру тело. Ослабшие и озябшие конечности не слушались. Берг безвольной куклой болтался на суку, на который его нанизало невиданной доселе силой. Сук торчал аккуратно под солнечным сплетением, кривой, с полопавшейся корой и багровый от крови. Если бы удалось хоть носками сапог коснуться земли, Берг попытался бы освободиться, возможно, даже поднял бы оброненный меч и снова кинулся в атаку.

Едва последняя мысль мелькнула в голове, гонитель глухо, обреченно рассмеялся. Он висел примерно в трех локтях над землей и не ощущал ни рук, ни ног, только видел, как странное, не имеющее названия явление продолжает неспешно, будто насмешничая над поверженным гонителем, уничтожать деревню.

То был огромный черный вихрь, сотканный из чар, но не просто колдовской смерч, призванный разрушить несколько домов, унести парочку коров с пастбища или поскидывать телеги с дороги. Нет. Вихрь, с которым столкнулся Берг, был иным, словно имел частицу разума. А еще, и это поразило Берга больше прочего, черная воронка не вбирала в себя ни людей, ни скот, ни постройки, она лишь обволакивала их на пару мгновений своим нутром. После чего возобновляла движение, оставляя на месте изб покрытые выюном и мхом кособокие, обветшалые развалюхи, как если бы стояли они не одно десятилетие заброшенными. Черный вихрь не выворачивал деревья и кусты с корнем, но заставлял их засохнуть. То же самое проделывал он и с травой, и с посевами на полях.

Хуже всего дела обстояли с людьми. Попав в вихрь, выходили они из него уже сморщенными стариками и старухами, и неважно, был ли человек до этого младенцем или крепким кузнецом в расцвете лет. Схожая участь постигала птиц и животных.

Лишь у Берга не отобрало годы черное нечто, не пожелало пропустить через себя. Каждый раз, когда гонитель пытался приблизиться к вихрю, нанести удар мечом или окропить его Слезами Праматери, из черной круговерти выныривали такие же черные щупальца, гладкие, блестящие, будто жиром натертые, и отражали атаки. Именно так Берг и оказался нанизан на сук одного из дубов, что плотной стеной выстроились вдоль восточного края деревни. Впервые за долгие годы службы Вящему Совету в рядах Братства гонителей он не смог оставить на противнике ни единой царапины.

Окружающий мир перед взором Берга неизбежно мутнел. Вот уже вместо деревни, из которой доносились отчаянные вопли крестьян, – размытое пятно, по которому скользят неясные тени. Вместо заходящего солнца – оранжево-красная клякса. Ветер, поднятый вихрем, пробрал до костей. Его порывы то и дело долетали до Берга, отчего тело начинало покачиваться, и тогда гонитель вспоминал, что такое боль.

Вскоре начали затухать и звуки. Не осталось ни криков, ни плача, ни треска бревен, ни собачьего лая, ни рева неистового вихря.

Так вот, значит, каким будет конец славного гонителя Берга из рода Умрановых. Иссахла, видимо, его удача. Ну а как иначе? Оно не могло вечно спасать того, кто от него отрекся – у всего есть предел.

– Ха, – выдохнул Берг, пуская кровавую слюну. – Неплохо. Кха-кха... не самая позорная кончина... кха-кха... и гроб... гроб будет... кха... открытым... Матушка... она... кха-кха... сможет проститься...

Ему снова было восемнадцать. Он быстро шагнул прочь от деревни напрямик в дремучий лес по едва заметной в темноте тропе, протоптанной грибниками. Дождь разошелся не на шутку. Тучи окончательно скрыли полную луну. Темно стало, хоть глаз выколи, но Берг и не подумал замедлиться. Ему, гонителю, тьма была ни о чем, он хорошо видел в ночи, разве что все вокруг приобретало в такие моменты бледные голубые оттенки. Да и хрен бы с ним. Главное, понятно, куда идти.

Она семенила за ним, крепко сжимая его ладонь своей маленькой ручонкой. Босая, в одной лишь белой, промокнувшей насквозь рубахе до пят, в подоле которой то и дело путалась, с мокрыми от дождя волосами. Она не плакала, не задавала вопросов, только изредка убирала от лица налипшие пряди. Малявка не проронила ни звука, даже когда шлепнулась наземь, запнувшись о корягу, и ободрала колени. Берг раздраженно рванул ее за руку вверх, запоздало подумав, что вполне мог вывихнуть ей плечо, но она промолчала и в этот раз – значит, все в порядке. Да и какой смысл был беспокоиться о ее здоровье, если совсем скоро она исчезнет из его жизни навсегда.

Девчонка снова чуть не упала и, чтобы сохранить равновесие, сильнее стиснула руку Берга. От этого простого, ничего не значащего жеста у гонителя в груди неприятно заныло.

Что во имя Великой Безокой Праматери он делает? Трус несчастный. Если отец узнает, то самолично голову ему оторвет за подобное малодушие. Или, того хуже, казнят нерадивого Берга на площади вместе с Ратмиром на глазах у всего Надмирного града. На миг Берг даже решил было повернуть назад, сознаться во всем отцу и попросить его самого разобраться с девчонкой, но гордость быстро взяла верх над страхом, и двое продолжили углубляться в лесную чащу.

Наконец Берг счел, что они ушли достаточно далеко от деревни. Юный гонитель прикрыл глаза, глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

Вот ведь срань сратая!

Еще утром, когда веришитель вызвал их с отцом и остальными членами отряда к себе, ничто не предвещало беды, настроение было отменное. Вечером Берг с братьями, с которыми делил келью во время учебы, собирался пойти за город в одно из близлежащих сел на праздник в честь сбора урожая. Кто ж знал, что вместо плясок и лобзаний с деревенскими девками он будет таскаться по лесу с дочуркой ведьмы.

Не повезло, конечно, мелкой – всего-то семь лет от роду исполнилось, а уже впала в немилость Вящего Совета. Впрочем, в том не было ее вины. Она и чарами-то никакими не владела. Ей просто не повезло стать плодом страсти, вспыхнувшей между ведьмой Тихеей и гонителем Ратмиром. Может, не будь Ратмир лучшим другом отца Берга и членом Братства, на Тихею и ее дочь гонители никогда внимания не обратили бы. Но разве ж Совет оставит в покое ведьму, совратившую гонителя? И как Ратмир умудрялся ее, суку, столько лет от Совета и Братства прятать? Других ведьм без колебаний умерщвлял, а эту берег как зеницу ока. Даже другу лучшему ни словом о любовнице и дочери не обмолвился!

Берг смачно выругался и отпустил руку девочки. Имени ее он не знал и знать не хотел. Так было проще. Хватало и того, что он с пленок знал Ратмира и считал его едва ли не

вторым отцом. Глаза предательски защипало при воспоминании об улыбчивом и смешилом дядьке Ратмире. Берг мотнул головой, собираясь с мыслями.

Дело осталось за малым, но в решающий момент тело оцепенело. Ах, если бы Великая Безокая Праматерь сейчас сжалась над ним и прибила малявку молнией. Но Богиня не вняла мольбам Берга. Молнии озаряли небо одна за другой, сопровождаемые громовыми раскатами и завыванием ветра, однако девчонка продолжала стоять перед ним целехонькая.

Все-таки надо было прикончить ее в избе, как и велел отец, но Берг, без колебаний зарубивший Тихею, не смог поднять меч на дитя. Признаться отцу и остальным братьям в том, что не в силах навредить невинному ребенку, он тоже не посмел. Ведь приказ вершитель отдал четче некуда: ведьму Тихею и ее отродье убить на месте, тела сразу сжечь.

Может, Берг и пересилил бы себя в итоге, снес бы голову девчонке, но тут местные подлили масла в огонь. Увидали, что в деревню гонители заявили, и всполошились. Оно и понятно: гонителей простой люд недолюбливал за суровость их методов в борьбе с колдовством, звал их не иначе как «псами вящих», а то и просто шавками церковными. Тихею же и дочь ее деревенские побаивались, но уважали. Ведьма за них с лешими, водяными и полевиками договаривалась, зложных покойников отогнать умела, от трясавиц не раз спасала. Вот и похватались крестьяне за вилы, заступаться за ведьму удумали.

В общем, отец, как командир отряда, ушел с местными переговоры вести, остальные братья с ним – отгонять бестолковых людишек от дома ведьмы. Берга оставили с девчонкой разобраться и избу сжечь. Но переговоры с крестьянами провалились: накануне в деревне свадьбу играли, мужики еще не протрезвели, даже местный пригляд, упившийся до поросячьего визгу, и тот в драку полез, чего гонители уж точно не ожидали.

Вот Берг и дал слабину окончательно, решил воспользоваться сумятицей и девчонку в лес отвести да оставить ее там на милость Праматери, или в кого там верят все эти ведьмовские отродья? Отцу и вершителю скажет, что все как надо сделал. Сгорели и сгорели, сколько еще они таких вот Тихей сожгут – одной Праматери известно, а на кости ведьмины гонителям плевать: пересчитывать черепушки на пепелище не станут.

И стоял теперь Берг в лесу, надеясь, что в заварушке с местными его еще не скоро хватятся, и он успеет и девчонку спасти, и избу сжечь. С трудом скинул оцепенение, сосредоточился. Непривычное, забытое чувство шевельнулось в груди. Запросилось на волю то, что, годами надежно сокрытое, внутри жило. Берг его сдержал, не пустил наружу больше, чем требовалось. Оно выразило недовольство болью, разлившейся по телу, и легкими мышечными судорогами. В висках застучало, из носа вытекла тонкая струйка крови. Однако оно не стало терзать Берга и дальше, знало: бесполезно – гонитель не отпустит, не послушает, не покорится своей природе.

Потому, пользуясь кратким мигом свободы, оно радостно рвануло в лес дыханием Берга, его духом и чувствами. Нашло нужного зверя быстро. Грозный бурый медведь, дремавший под сосной, откликнулся на зов, разомкнул веки, принялся, поднялся на задние лапы, заревел во всю глотку и пошел к Бергу.

Ветер вдруг стих, следом унялся дождь. Неожиданно быстро, словно по чьему-то мановению руки, исчезли с небосклона тучи, и полная луна озарила все вокруг. Холодные лучи ее просочились сквозь кроны деревьев. Лунный свет упал на девочку. Она все еще стояла недвижимо и внимательно смотрела на Берга снизу вверх. Не шелохнулась и не обернулась, даже когда услышала треск валежника и медвежий рык в глубине леса, лишь слабо улыбнулась, грустно так и до странности понимающе, совсем не по-детски.

Берг отступил на пару шагов, не уверенный, что медведь не решит напасть и на него. Будто уловив его тревогу, девочка впервые с момента, как гонители ворвались в их с матерью избу, заговорила:

– Уходи, гонитель. Не терзай себя виной понапрасну. Ты слеп так же, как и твоя Богиня. А где это видано, чтобы здоровые на калечных зло держали? Вот и я не держу. Ты лучше как прозреешь, приходи, тогда и... – она запнулась.

За ее спиной из густых зарослей калины вышел медведь. Зверь, стоя на задних лапах, возвышался над ней гигантской черной массой. Только глазницы и клыки злоеце поблескивали в темноте. Берг разглядел тягучую слюну, стекающую из приоткрытой пасти, услышал очередной утробный рык.

А девочка не двигалась с места, не обернулась даже, будто слово «страх» ей было неведомо. Не так все представлял себе Берг. Думал, она услышит зверя, испугается, побежит что есть мочи, а там, глядишь, и спасется каким-нибудь чудом, и его, Берга, совесть останется чиста, не станет он детоубийцей.

– Не нужно тебе смотреть на это, гонитель. Беги, – сказала уверенно и громко, точно приказ отдала.

И в тот миг Бергу показалось, что именно он – бедное, потерянное дитя, нуждающееся в защите и сострадании, а вовсе не крошечная девчушка в белой изодранной рубаше, над которой медведь занес лапу для удара...

Берг очнулся резко.

– Ох, – простонал, мгновенно ощутив боль в районе солнечного сплетения и жуткую ломоту в мышцах и суставах.

Понадобилось около десяти–пятнадцати ударов сердца, чтобы отдышаться и понять: он больше не висит на дереве, а лежит в своей постели в родительской городской усадьбе в Надмирном граде. Попытка приподняться и дотянуться до стакана с водой на прикроватной тумбе не увенчалась успехом, и Берг позволил себе вернуться мыслями к увиденному во сне. Хотя то был скорее не сон, а поразительно четкое воспоминание, которое ему довелось пережить снова, как наяву.

Почему именно оно? Казалось, он давно уже позабыл ту злополучную ночь. Конечно, девчонка долго являлась ему во снах, но не зря же говорят: время лечит. Вот и Берга оно излечило. С той поры четырнадцать лет минуло, все быльем поросло. Чего вдруг сейчас в памяти всплыло? Бред какой-то.

Берг перевел дух и предпринял очередную попытку двинуться. До стакана так и не дотянулся, но смог дернуть за ленту колокольчика над изголовьем и тем самым дал слугам знать, что очнулся. Пока ждал чьего-нибудь прихода, мысли то и дело возвращались к девчонке.

Неужто и правда четырнадцать лет прошло? Да-а-а. Время-то как незаметно летит. Интересно, если бы медведь не задрал ее тогда, какой бы она выросла? Едва ли Берг узнал бы ее сейчас при встрече. А она? Узнала бы того, кто погубил ее мать и пытался убить ее саму? Наверняка узнала бы. У него-то всего-навсего чуток морщин и шрамов прибавилось, да в плечах малость раздался, а в остальном...

Он придирчиво осмотрел свою спальню. Ну точно. Не только внешность – все осталось почти таким же, как и в юности.

Комната Берга была простой, но по-своему уютной. У правой от входа стены располагалась широкая кровать с резным деревянным изголовьем, над которым красовалась картина в позолоченной раме, изображающая коленопреклоненного перед Праматерью гонителя. У противоположной стены притулился столик с принадлежностями для умывания и зеркало. Чуть в стороне – большой сундук из темного дерева с латунными уголками, на котором возвышались кипы бумаг о колдовских преступлениях в кожаных переплетах. Под окном разместились

письменный дубовый стол с обитым темно-синим бархатом креслом, тоже заваленный кучей бумаг и книг.

День выдался солнечным, и в полосах теплого, яркого света над паркетом кружились мелкие пылинки. Окно было немного приоткрыто, и с улицы доносились звуки проезжающих по каменной дороге повозок, выкрики возниц, болтовня и смех работающих в саду и хозяйственных постройках слуг.

Если бы Берг мог подойти к окну, то увидел бы главные ворота усадьбы и аккуратные клумбы, так любимые его матерью и сестрами. А еще разглядел бы на горизонте громаду Сторожного монастыря, которая стояла на высоком холме и отбрасывала тень на добрую треть Надмирного града.

Улица, на которой жила семья Берга, называлась Верной и была особенной. Здесь обитали семьи древнейших родов гонителей и тех, кто снискал благосклонность Вящего Совета своими богоугодными деяниями.

Увидеть Сторожный монастырь Бергу хотелось очень. Высоченные стены из темного, идеально гладкого камня, привезенного прямиком из Гиблых гор Заградного княжества, всегда его успокаивали, особенно в такие моменты, как сейчас. Берг не смел признаться в этом даже самому себе, но в глубине души он был напуган – странное чувство, давно задушенное на корню, теперь зарождалось вновь и вызывало неподдельную тревогу. Такого колдовства, как в той деревне, Берг прежде не видывал и не ощущал. Чутье подсказывало, что на земли Междукняжья пришла большая беда, с которой даже гонителям будет нелегко тягаться.

Его догадки подтвердил отец, пришедший в спальню вместе со слугами и семейным лекарем Гордеем Пахомычем. Лекарь, худой лысеющий старичок с седой козлиной бородкой и впалыми от вечного недосыпа слезящимися глазами, поздоровался, достал из своего чемоданчика очки и тут же принялся осматривать больного.

– Очнулся, – в голосе Велимира, отца Берга, слышалось все сразу: и радость, и облегчение, и злость, и упрек. Берг прекрасно знал этот тон, как и выражение лица родителя. Когда Велимир смотрел *так*, не миновать сыну хорошей взбучки.

Хотя чего уж там, Берг и сам нередко зыркал так же на бестолковых нóвков и малúшей. Глупо было отрицать, что они с отцом похожи практически во всем. Это старшие сестры пошли в мать – светловолосую, голубоглазую, а Берг унаследовал от отца не только богатырский рост и разворот плеч, но и жесткую шевелюру, схожую цветом с бурой медвежьей шерстью. От него же достались и глаза – карие, до того темные, что радужка почти сливалась с черным зрачком. Даже бóроды отец и сын стригли одинаково: коротко, аккуратно, так, чтобы лицо выглядело суровее, но при этом не походило на разбойничью рожу.

Берг хотел поздороваться с лекарем и хоть что-нибудь ответить отцу, но вместо этого с губ сорвался лишь нечленораздельный хрип.

– Нет, нет, – спохватился Гордей Пахомыч, – рано тебе еще говорить, господарь Берг.

При помощи пары слуг лекарь уже успел снять часть пропитавшихся кровью и сукровицей повязок с тела Берга, и бережно приступил к чистке ран. Не впервой поразился Берг ловкости костлявых рук и той уверенности, с которой тщедушный на первый взгляд старичок выполнял свою работу.

– Хорошо. Очень хорошо, – бормотал себе под нос Гордей Пахомыч. – Терпи, господарь. Чай не впервой. Подлатаем тебя. Будешь бойчее прежнего.

Берг с трудом выдавил благодарную улыбку. Гордея Пахомыча он знал с пеленок и в его умениях врачавателя ни на миг не сомневался, но боль оттого меньше не становилась. А под пристальным взглядом отца еще и тошнота накатывать начала. Велимир пока что не произнес больше ни слова, но Берг и без того все понял – дела плохи. Да и могло ли быть иначе, если даже сам Берг, будучи одним из опытейших и сильнейших гонителей, едва на тот свет не отправился.

Гордей Пахомыч провозился с пациентом около получаса. Промыл и перевязал заново все раны, напоил кучей обезболивающих и противовоспалительных отваров, раздал указания слугам, которым надлежало ухаживать за господином, и выпроводил их из комнаты. А потом помог Бергу сесть в кровати, бережно обложил пациента с боков подушками для удобства и посмотрел на него тяжелым, обеспокоенным взглядом.

– Мне ведь нет нужды объяснять тебе, господарь, благодаря *кому* ты выжил? Кабы *оно* тебя оставило, помер бы на том суку.

Берг насупился и, хотя после выпитых отваров голос вернулся, промолчал, предпочтя сделать вид, что не расслышал слов лекаря, но тот не унимался.

– О твоём упрямстве, господарь, в Надмирном граде давно легенды слагают. Даже батюшку своего в этом переплюнул, – кивнул Гордей Пахомыч в сторону стоящего у стены Велимира. – Да только знать надо, где то упрямство применять. Я видел, как ты на свет появился, но видеть, как ты помрешь, не желаю. А ты непременно вскорости помрешь, господарь, коль хоть на день волю *ему* не дашь и не задобришь. *Оно* уже злобится, ой как злобится. Чувешь ведь? – Гордей Пахомыч пристально всмотрелся в лицо Берга, но не найдя там и тени реакции на свои слова, разочарованно покачал головой и, взяв свой лекарский чемоданчик, направился к двери. – Я предупредил, – уже распахнув створку, обратился он к Велимиру. – Тебе ли не знать, что я прав, вершитель. Хоть ты на сына повлияй, иначе в следующий раз непременно снимешь с сука его труп.

Гордей Пахомыч сухо попрощался и ушел, раздраженный и приунывший. Берг и Велимир остались вдвоем. Какое-то время просто молча таращились друг на друга из-под нахмуренных бровей.

– Насколько все плохо? – просипел Берг, не выдержав гнетущего молчания, говорить все еще было тяжеловато.

Вместо ответа Велимир в два шага преодолел расстояние от стены до кровати и отвесил сыну затрепину. У Берга искры посыпались из глаз.

– Ты, баран безмозглый, какого лешего туда в одиночку полез?

Берг зашипел сквозь стиснутые зубы, когда на очередной подзатыльник каждая рана на теле отозвалась вспышкой боли.

– Совсем ополоумел, олух? – Велимир не кричал, но от звука его голоса, казалось, задрожал разом весь дом. – Ты почему не отступил, если понял, что дело дрянь? Разве этому я тебя учил?

Велимир замахнулся снова, но Берг перехватил его руку, наплевав на слабость.

– Ты учил меня, – сказал он твердо, глядя отцу прямо в глаза, – что гонитель никогда не должен ставить свою жизнь выше жизней тех, кого клялся защищать.

Взгляд Велимира переменился, бушующий в нем гнев затух и уступил место усталости, волнению и гордости с крупницей нежности. Он опустился на край кровати и вдруг обнял сына. Так крепко, что чуть не сломал Бергу еще пару ребер.

– Дурак ты, Вьюжик. Какой же ты у нас с мамкой дурак. О стариках-то своих и сестрах хоть иногда думай. Кому бы лучше стало, помри ты там? Спаси никого все равно бы не спас, а нам бы горя сколько принес.

– Ты что-то размяк с годами, бать, – Берг похлопал отца по спине, но из объятий вырваться не стал.

Назвать стариком крепкого, полного сил Велимира ни у кого язык бы не повернулся, хоть ему и было уже шестьдесят два. Но Берг не мог не признать, что седины у отца и правда прибавилось, как и морщин, и от этого сделалось грустно. Зато от домашнего детского прозвища «Вьюжик» по телу разлилось тепло, повеяло заботой, родительской любовью, будто и не было никогда никаких сражений, будто смерть не дышала в затылок на протяжении долгих лет, а *оно* не рвалось на волю с каждым днем все настойчивее.

Вьюжик – так еще в раннем детстве начала звать Берга мать Мирослава Никитична, потому что сын крайне редко проявлял чувства: был предельно холоден, никогда не плакал, ни на что не жаловался, ничего не выпрашивал, не злился, на ласку реагировал скупой и ответных нежностей никому не дарил. Вот Мирослава Никитична как-то раз в шутку и сказала, что Берг, видать, не ее сын, а вьюги, ведь родился в первый месяц зимы под завывания метели. Старшие сестры мигом подхватили: «Вьюжик, Вьюжик».

И вот Бергу стукнуло уже тридцать два года, а ему все приходится откликаться на это бестолковое прозвище. Но отчего-то не запрещает так себя называть и даже как будто радуется немного, когда слышит это раздражающее «Вьюжик».

Глава 2. Чем прогневал Тебя?

Храм Сторожного монастыря наконец опустел, и Берг с облегчением выдохнул. Находясь в стенах родной обители, никогда не пропускал утренних богослужений, но настоящее единение с Безокой Праматерью ощущал, лишь молясь в одиночестве. Хотя наблюдение за сонными малушами, еще не привыкшими к строгому распорядку монастырской жизни, и беспокойными новками, жаждущими не молитвы читать, а поскорее отправиться размахивать мечами, неизменно вызывали у Берга приливы ностальгии. Отчасти он им завидовал, ведь сам никогда не был таким: озорным, местами спесивым, а где-то и донельзя гордым или непокорным.

Берг переступил порог Сторожного монастыря в качестве малуши – кандидата в гонители, которому предстоят долгие годы обучения до момента принятия в Братство – когда ему исполнилось шесть. Внук тогдашнего вершителя, сын единца Велимира и хранительницы Житницы чар Мирославы, он еще ребенком подавал большие надежды и полностью их оправдал. Но чего это стоило холодному, нелюдимому мальчишке, знал лишь он сам.

Любимец настоятеля, надзирателей, десятников, просвётников и даже Отца Зрящего, Берг вырос и получил все: знания, силу, признание и восхищение, но никогда не знал одного – свободы. С возрастом это все чаще тяготило его, однако он всегда спешил быстрее прогнать разрушительные мысли. Разве смел он мечтать о свободе, когда Великая Безокая Праматерь, служению которой он посвятил жизнь, столетиями стоит недвижимая, ослепшая, прикованная к своим сыновьям, и не ропщет, продолжает хранить род людской, одаривая его благодатью и бесконечной Своею любовью.

Берг поднялся со скамьи, на которой просидел все Прозренное стояние, повел плечами и потянулся. С момента битвы в деревне прошло две седмицы, и *она* сделало свое дело – исцелило хозяина быстрее, чем это могли бы сделать даже самые одаренные врачеватели. Но гонитель все равно осунулся, был бледен и время от времени страдал от ноющей боли в местах наиболее серьезных ранений. Берг прижал ладонь к солнечному сплетению. Подчас ему до сих пор чудилось, что он висит на том суку, а происходящее вокруг спасительное забытие перед неминуемой кончиной.

Берг впервые познал беспомощность перед по-настоящему неистовым колдовством, и это сильно выбило его из колеи. Проигрывать, когда доселе знал одни только победы, было жутко неприятно. Уязвленная гордость требовала все исправить, немедленно броситься на поиски того вихря и поквитаться с ним, но Берг не позволил ей верховодить. Прошел по широкому проходу меж длинных рядов однотипных скамей и остановился перед статуей в три человеческих роста, перед которой стояли двенадцать статуй меньшего размера – раскинувшая руки Безокая Праматерь и Ее коленопреклоненные сыны.

По обе стороны от Праматери к специальным крюкам, вбитым в стены, на цепях были подвешены тонкие каменные пластины. На пластинах изображались сцены из главного Церковного Писания – Слова о Великой Безокой и Ее двенадцати сынах. В создании таких пластин никогда не применяли красок – рисунок выбивали на камне. В храмах победнее или деревенских часовнях камень заменяли деревом. Но суть была одна: изображение наносилось на поверхность так, чтобы любой незрячий мог «прочесть» его подушечками пальцев.

Берг опустил на колени и достал из-за пазухи сермяги черную атласную ленту. Завязал ею глаза, желая полностью погрузиться во тьму перед молитвой, хотя в храме и без того царил полумрак. Окна тут были стрельчатые, настолько узкие, что едва ли превышали в ширину две человеческие ладони, да еще и находились на большом расстоянии друг от друга. Скупые полосы света с трудом просачивались сквозь них и неизменно проигрывали сгустившимся в углах теням. Редкие свечи горели лишь в проходе между скамьями, чтобы прихожане могли спокойно пройти на свои места, да позади статуи Праматери, намеренно подсвечивая Ее так,

что лицо всегда оставалось в тени. Богиня вечно пребывала во тьме, и верующие стремились, как могли, разделить это бремя с Нею, лишая себя света намеренно.

Берг коснулся средним и безымянным пальцами правой руки сначала левого плеча, потом солнечного сплетения, затем правого плеча. Поклонился, дотронувшись лбом до пола, выпрямился и, положив ладони на бедра, принялся молиться. Ему, как гонителю, надлежало знать наизусть множество молитв и обращаться к Праматери определенным образом, что он обычно и делал, но сегодня отчего-то не хотелось следовать правилам. Мысленно он посмеялся над собой: «Что это, Берг, наконец-то решил хоть немного посвоевольничать? Эдак и настоятелю перечить начнешь».

– Я в смятении, – пошептал уже вслух. – Великая Безокая, отчего же, это чувство вдруг поселилось в моей душе? Я никогда прежде не сомневался, веруя, что Ты приглядишь за мною и непременно направишь на путь истинный. Я верил, что мы близки к победе, что уже маячит на горизонте тот день, когда мы с уверенностью скажем: земли Междукняжья свободны от всяких чар, здесь больше нет места волшебю и сущностям из Нави. Но что же это? – Берг стиснул кулаки. – Мы не только не избавились от колдовства, но оказались бессильны перед новыми его порождениями. Отчего же так, Безокая? Где ошиблись мы? Али чем разозлили Тебя, что Ты послала нам новое испытание в наказание? – Берг умолк, прислушиваясь к ощущениям.

Сердце гулко стучало в груди, каменный пол неприятно холодил колени. Берг знал, что будь его глаза открыты, он бы увидел облачка пара, вылетающие изо рта с каждым его словом. В храмах Праматери никогда не бывало тепло, даже если снаружи, как сейчас, все тонуло в солнечных лучах и купалось в летнем тепле. Никогда прежде этот стылый воздух не мешал Бергу, но сегодня он напоминал о черном вихре и могильном холоде, которым от него тянуло.

– Я представлял смерть иначе, – продолжил он. – Думал, она будет ласковым падением в Твои объятия и избавлением от всех мирских тягот и боли. Но на той стороне я не ощутил ничего, кроме неистовой боли и лютого мороза, – снова замолчал ненадолго, а потом набрал в легкие побольше воздуха и произнес на одном дыхании: – Не *оно* спасло меня, как все считают. *Оно* хотело меня оставить, сдалось наконец. *Оно* решило, что куда правильнее нам обоим будет покинуть этот мир и более не терзать друг друга. Но потом появился некто... – Берг покачал головой, не зная, как правильно объяснить. – Я не видел, но он смог приказать *ему*. Представляешь? Я не разобрал слов, но каким-то образом точно понял, что некто извне вмешался, встряхнул *его*... как... немыслимо... – Берг резко сорвал ленту с глаз и скомкал в руке, потом поднял голову и посмотрел на пятно черноты, за которым скрывалось лицо Праматери. – Разве такая сила существует? И если мне не померещилось, то почему кто-то спас меня? – Гонитель вцепился себе в волосы и затряс головой. – Не хочу, нет. Не вынесу, если меня и правда спасала чья-то волшебба. За что? – Он снова вскинул голову к лицу Праматери. – За что Ты так со мной? Я же никогда не нарушал своих клятв. Моя совесть пред Тобой чиста. Так за что? За что позволила этой мерзости коснуться меня? Чем я так прогневал Тебя?

На памяти Берга всех до последнего единцев собирали в Надмирном граде всего дважды. Первый, когда судили и казнили за связь с ведьмой Ратмира. Второй, когда пять лет назад прошлый вершитель, дед Берга, складывал с себя полномочия и передавал их своему преемнику и сыну Велимиру.

Но никогда единцев не свозили в монастырь со всех концов Междукняжья израненными и едва живыми. Никогда Вящий Совет не созывался так поспешно. Обычно, чтобы собраться в полном составе, у них уходило не менее месяца-полутора, однако теперь примчались в Надмирный град всего за три седмицы.

Витавшее в воздухе напряжение можно было резать ножом. Старейшины, казалось, разом одряхлели. Советные Владыки, прибывшие прямоком из княжьих теремов, выглядели так, словно со дня на день собрались отдать душу Праматери. Изможденные долгой дорогой,

в которой почти не делали привалов, придавленные грузом ответственности перед князьями и народом, они вели себя дергано, рыкали друг на друга и окружающих без причины, все требовали каких-то отчетов о происходящем и терзали допросами и без того настрадавшихся единцев.

Чинцы сновали туда-сюда, аки муравьи-трудожаки. Старались не упустить ни одного важного слова, все записать и запротоколировать, систематизировать. Они безмолвными тенями волочились за членами Совета с утра до ночи, и уже были случаи обмороков и нервных припадков.

Служки и вовсе забыли о том, что такое сон, прислуживая капризным господам, ставшим от страха и бессилия еще более требовательными и несносными. На бедолаг то и дело обрушивался шквал отборной брани, тычки и пинки.

Благо в стенах Сторожного монастыря обстановка царила куда спокойнее. Членов Совета и их людей сюда не пускали. Настоятель четко дал понять, что волновать неокрепшие умы малушей и новков не позволит даже под страхом смерти. Мало ему было проблем с искалеченными единцами, не хватало еще, чтобы младшие ученики со страху бесноваться начали. Юнцы и без того встревожились, наслушавшись сплетен о черных вихрях от городских жителей. Потому им временно запретили покидать территорию Сторожного монастыря и даже общаться с родными. Надзирателям и просветникам было велено с них глаз и в ночи не спускать.

Раненых единцев предусмотрительно разместили в городской лечебнице, дабы не попадались на глаза малышне и не пугали своим видом. Те, кому досталось поменьше, выздоравливали дома, как Берг.

Мирослава Никитична ворвалась в родовое имение Умрановых ураганом из пышных юбок и громких причитаний, после чего чуть было не задушила единственного сына в неожиданно крепких для столь изящного создания объятиях. Следом в гостиную усадьбы влетели два вихря по имени Рада и Злата. Сестры тискали Берга не так неистово, но едва зажившие ребра все равно неприятно заныли.

И Мирослава Никитична, и обе ее дочери – старшие сестры Берга – служили хранительницами в Житнице чар, где собирались, систематизировались и тщательно изучались любые сведения о магии, добытые гонителями. Там же разрабатывались методы противостояния колдовству, которые гонители потом применяли на практике.

Мирослава Никитична заведовала Житницей с тех пор, как ей минуло тридцать годков. После обучила своему ремеслу дочерей. И пока муж и сын рисковали жизнью в боях с ведьмами и нечистью, эта троица колесила по княжествам и соседним странам, собирая по крупицам любые знания о магии, даже самые незначительные. Именно Мирослава Никитична привезла в Междукняжье слово «магия», позаимствовав его у одного туманного островного королевства, которое посещала еще в молодости. До этого в речи употреблялись такие слова, как волшба, чары, ведовство, колдовство, ворожба.

Вот и на момент ранения Берга Мирослава Никитична с дочерьми дома отсутствовала. Они как раз посещали с делегацией недавно обнаруженные в полупустынях на юге Жеченского княжества руины древнего поселения, предположительно принадлежавшего песчаным ведьмам, жившим задолго до Дня усмирения.

Берг не знал, радоваться ли возвращению матери и сестер или бежать из усадьбы куда подальше. Пусть эти женщины и выглядели как феи из заморских сказок, – стройные, со светлыми выющимися волосами и глазами цвета небесной синевы, – своей чрезмерной заботой они могли довести до белого каления любого и уж тем более членов своей семьи. Как сестер уже много лет выносили мужья и дети, для Берга и по сей день оставалось загадкой.

Хотя...

Берг перевел взгляд на отца. Велимир – гроза нечисти и колдунов, суровый вершитель – превратился в радостно виляющего хвостом безобидного щенка, стоило жене явиться перед ним. Отец заключил мать, что была ниже его почти на целых две пяди, в объятия с такой нежностью и осторожностью, будто держал в руках самое ценное сокровище на всем белом свете. И с той же лаской к нему льнула Мирослава Никитична.

Берг, смутившись, отвел взгляд. В его жизни было много женщин, но ни на одну из них он не смотрел так, как смотрел Велимир на свою супругу. Не к месту дала знать о себе зависть, а потом заговорила совесть. Дурак, ну какая тебе жена? Не ровен час, помрешь в очередном бою, и что тогда супруге твоей останется? Скорбь да сожаления? Окстись, глупец, не для того гонителем заделался, чтоб вдов безутешных плодить.

В реальность вернула мать.

– Разговор есть, Вьюжик, – коротко, по существу, но ненавязчиво, с нежностью, как в детстве.

Может ли присутствовать Велимир? Нет, нельзя. Почему? Потому что я так сказала. А как же сестры? Сестры пущай в свои усадьбы возвращаются и своими детьми займутся, а не на чужих разговорах уши греют. Слуги? Тем и вовсе по домам пора. А как же Велимир в одиночестве после долгой разлуки? За столько дней не помер один – еще часок переживет. И в этом вся Мирослава Никитична. Господарыня до мозга костей, коей и муж-вершитель не указ, коль чего удумала. Попробуй перечить – мало не покажется.

Она так и не сменила дорожное платье, прямо в нем вошла в опочивальню сына, плотно притворила дверь.

– Рассказывай, – не просьба, но приказ, которого и сам настоятель не осмелился бы послушаться.

И Берг рассказал. Выложил все как на духу: о черном вихре, о состарившихся крестьянах, об иссохнувших растениях и о том, как *оно* хотело позволить ему умереть, и о незнакомце, что велел *ему* переменить решение и спасти Берга.

Мирослава Никитична слушала молча, внимательно и иногда кивала в такт словам сына.

– Завтра на заседании Совета помалкивай о том незнакомце, – она ласково погладила Берга по щеке. – Говорить буду я. Скажу много тебе непонятного, но ты не встревай. Слушай и делай, как будет велено. А там, глядишь, и спасемся от новой напасти.

Берг напрягся и уставился на мать обеспокоенно.

– Матушка, отчего речи такие странные ведешь? Никак узнала что важное о тех вихрях?

– Прошу, не спрашивай ни о чем, – Мирослава Никитична порывисто обняла сына и уткнулась лицом ему в грудь. – Просто верь мне, Вьюжик. Верь мне.

И он верил, потому что мать. Потому что никогда не давала повода усомниться в своих суждениях. Потому что ведала тайнами, Бергу недоступными. Потому что не страшилась ни Отца Зрящего, ни князей. Потому что говорила загадками с детства и никогда не помогала найти ответ, дабы Берг своим умом до всего дошел и свое мнение составил, пусть порой оно и шло вразрез с мнением матери.

А еще...

Она не раз касалась тех знаний, которые изучала. Берг чувствовал это, но никогда никому о том не рассказывал. Ведь он помнил Ратмира, сожженного на площади перед главным собором Праматери в Надмирном граде, и малолетнюю дочь ведьмы, разодранную медведем. Помнил Берг и Тихею, которой самолично отсек голову.

Неужто за то и озлобилась на него Праматерь, что столько лет молчал и свои догадки о матери скрывал?

Глава 3. Недоумение

Дом прозрения, где заседал Вящий Совет, гудел как потревоженный улей. Обычно члены Совета собирались в малом зале в полном составе раз в полгода. Тогда они целую неделю обсуждали доклады гонителей и новые исследования, проведенные хранителями Житницы чар, распределяли силы гонителей между княжествами, оценивали нанесенный магией ущерб, разрабатывали мероприятия, которые позволят привести как можно больше людей к поклонению Безокой Праматери. А еще проводили суды над теми, кого задержали по подозрению в колдовстве или связи с бесами, и решали, какими будут меры поощрения для тех, кто даст гонителям наводку, к примеру, на ведьму или гнездовье нечисти.

Но нынешнее заседание проводили в большом, полукруглом зале, выстроенном по подобию амфитеатра. Этим залом пользовались крайне редко, в основном в тех случаях, когда обстоятельства требовали устроить Святой суд Надмирного града. На Святых судах рассматривали дела, связанные исключительно с деятельностью Братства гонителей. Судьями в таких случаях выступали Отец Зрящий – глава Церкви Великой Безокой Праматери и Старейшины – его ближайшие советники и соратники. Советные Владыки как представители княжеств и, соответственно, миряне, исполняли роль наблюдателей и вмешиваться в суды над псами Церкви права не имели.

Однако сегодня права голоса их не лишали. Да и вообще это заседание выбивалось из череды прочих, хотя бы необычным составом участников. Народу собралось немало: весь Вящий Совет с секретарями, хранители Житницы чар во главе с Мирославой Никитичной, настоятель Сторожного монастыря с вершителем и десятниками и, конечно, в первых рядах сидели единцы – единственные, кто, помимо крестьян, видел черные вихри своими глазами и сражался с ними.

Вопреки заведенным правилам первым слово взял не Отец Зрящий, а настоятель Сторожного монастыря – Гнеслав. Опустили также всегда предшествующие началу работы Совета моления.

Гнеслав был очень стар, и истинного его возраста не знал никто. Гонители вырастали на его глазах, мужали, заводили семьи, гибли в боях или оставляли службу из-за увечий, но Гнеслав не покидал своего поста уже так давно, что в народе ходили байки, будто у Сторожного монастыря других настоятелей отродясь не водилось. Для обычных людей этот невысокий, худой и прямой, точно жердь, старик с коротким ежиком белых волос, не носивший бороды, казался кем-то вроде бессмертного божества. И лишь в Братстве знали, что своим долголетием и ясным умом он обязан отнюдь не близостью к богам, а силе совсем иной.

Гнеслав поднялся на трибуну и для начала поклонился членам Вящего Совета, сидящим в роскошных креслах на помосте. За их спинами на обитой деревянными панелями стене красовался огромный знак Церкви Великой Безокой Праматери – закрытый глаз, обмотанный цепью. Затем Гнеслав повернулся лицом к остальным участникам собрания, расположившимся на скамьях-ступенях. В зале воцарилась тишина.

Таким уж был Гнеслав: одним своим видом мог призвать к послушанию кого угодно. Вот и сейчас хватило всего-навсего недовольного взгляда, чтобы мигом усмирить взбудораженных слушателей. И даже то, что одет он был в простую темно-серую рясу, не умаляло его достоинства, скорее это члены Совета в своих пестрых богатых одеждах смотрелись на его фоне малость нелепо. Настоятель коснулся массивной серебряной подвески у себя на груди. Опутанный цепью меч с круглым навершием, в центре которого расположился закрытый глаз, был гербом Братства гонителей.

– Друзи, – морщинистое, вытянутое лицо Гнеслава осталось абсолютно бесстрастным, – полагаю, мне нет нужды пересказывать вам события последнего месяца. О том, что дело –

дрянь, ясно и без моих нудных речей. Есть ли у меня чем вас приободрить? – он задумчиво потер гладковыбритый подбородок. – Боюсь, что нет. Сколько живу, а такого колдовства не встречал, и говорить вам, что знаю, как с ним совладать, тоже не стану. Однако, – Гнеслав сделал многозначительную паузу, будто давал себе последний шанс на раздумья перед тем, как объявить нечто крайне важное такому количеству людей, – некоторые соображения на сей счет имеются у нашей уважаемой Мирославы Никитичны.

По залу пронеслись недоуменные шепотки.

Мирослава Никитична была личностью во всех отношениях неординарной и загадочной. О том, кто она такая, знала каждая собака, но мало кто имел честь быть знакомым с нею лично: шумных сборищ и званых вечеров глава Житницы чар не любила. Слухов об этой женщине ходило столько, что хватило бы на объемную и весьма занимательную книжонку. Одни безмерно уважали ее, другие боялись, третьи откровенно презирали. В обществе, где главенствовали мужчины и установленные ими порядки, появление такой влиятельной персоны в лице женщины вызвало немало пересудов и оживленных споров. Однако высказывать свои претензии открыто никто не решался, слишком крут был нрав ее мужа-вершителя и сына-единца, да и Отец Зрящий с настоятелем к главе Житницы чар были настроены благосклонно. Вон даже на Совет пригласили, а ведь баб сюда отродясь не пускали.

– Мирослава Никитична и ее подручные, – продолжил тем временем Гнеслав, – проделали огромную работу в очень сжатые сроки. Намедни мы с достойными Старейшинами выслушали ее умозаключения и единогласно решили, что разработанный ею план надлежит привести в исполнение. Потому далее будет говорить Мирослава Никитична. Прошу, господа-рыня, – настоятель отошел в сторону и сделал приглашающий жест.

Гнеслав выглядел уверенным, привычно собранным и строгим, но те, кто были с ним близки, не могли не заметить, что в мудрых глазах читались хорошо скрываемые сомнения и неодобрение.

Мирослава Никитична вышла на трибуну в строгом форменном платье служительницы Житницы чар синего цвета. Длинные, узкие рукава его украшала ненавязчивая серебристая вышивка на манжетах. Тот же орнамент вился по высокому, плотно облегающему шею воротнику, от края которого до пояса тянулся ровный ряд серебряных пуговиц. Как и у настоятеля, на ее груди поблескивала подвеска из серебра, но форма ее отличалась и представляла собой перо в чернильнице, на которой был изображен закрытый глаз. Житница чар служила Церкви Великой Безокой Праматери своим умом, а не мечом, как Братство гонителей, и это должен был видеть каждый. Волосы Мирославы Никитичны убрала в строгий пучок и накинула поверх платок из полупрозрачного синего шелка, скрепив его края не приметной фибулой.

Она точно так же, как и настоятель, низко поклонилась Вящему Совету и уже после выразила почтение остальным, на миг задержалась взглядом на Берге, который сидел в первом ряду с другими единцами.

– Приветствую вас, многоуважаемые господа. Для начала я хочу выразить свое глубочайшее уважение доблестным единцам. Ведь, согласно собранным Житницей чар свидетельствам, именно они были целью нашего нового врага, но сумели вернуться к нам живыми.

Очередная волна невнятного шума прокатилась по залу. Дождавшись, пока все стихнет, Мирослава Никитична продолжила:

– Именно. Достаточно сопоставить расположение поселений, подвергшихся атакам вихрей, с местами, в которых в тот день пребывали единцы, и мы увидим предельно ясную картину, – всплеснула она руками. – Из чего можно сделать вывод, что враг задумал для начала потягаться с нашими сильнейшими витязями.

Теперь слушатели согласно закивали.

Мирослава Никитична сцепила пальцы в замок на уровне живота и заговорила вновь:

– Поначалу мы предположили, что некто получил доступ к сведениям о перемещениях гонителей, что хранятся в Сторожном монастыре. Но позже откинули эту мысль. Нам всем известно, что ни одно послание не может быть доставлено мгновенно. К тому моменту, как отчеты единцев попадают в монастырь и вносятся в учетные книги, порой проходят недели. Отправивший послание человек вполне уже может находиться не только в другом поселении, но и в другом княжестве. Так что проникать в монастырь, рискуя жизнью, ради этих сведений бессмысленно. А значит, – Мирослава Никитична воздела указательный палец к потолку, – мы имеем дело с очень мощными поисковыми чарами. Хранители осмотрели некоторых единцев и нашли на их телах отголоски следящей волшбы.

На этот раз никто не издал ни звука, пытаясь переварить услышанное. Казалось невыносимым, что кто-то сумел наложить подобное заклинание на всех единцев одним махом и остаться незамеченным.

– Знаю, – Мирослава Никитична вышла из-за трибуны и принялась расхаживать перед ней из стороны в сторону, точно профессор, читающий лекцию, – поверить в такое сложно. Нам хорошо известно, как работает подобное колдовство. А посему придется признать, что кто-то тайно следил за единцами, ведь поисковая магия ни за что не сработает верно, если у чародея на руках не будет вещи, которую человек очень долго носил при себе.

– Не спорю, милсдарыня, – подал голос один из десятников, – единцы тоже допускают промахи. Некто, достаточно сноровистый, и к ним подкрасться мог, не вызвав подозрений. Но если такое дело один человек провернул, то ему бы пришлось за единцами месяцами таскаться, шоб вещички их прикарманить. Когда ему при таком раскладе ворожить-то? Единцы колдовство за версту чувствуют.

Мирослава Никитична вернулась за трибуну и уперлась руками в ее края.

– Наличие у нашего нового «друга» пособников никто не отменял. Он мог найти сообщников как среди людей, так и среди нечисти. Что сложного для мелкого бесенка в том, чтобы влезть в сак гонителя, оставленный в комнате постоянного двора, и прихватить оттуда пуговку с кафтана или парочку волосков?

– Меня волнует иное, – сидящий в первом ряду Берг подался вперед и уперся локтями в бедра. – Раз целью были мы, почему нас не добились в тот день, а оставили искалеченных на волю случая? – Он помнил просьбу матери не встречать, но этот вопрос не мог не задать. И судя по ее укоризненному и предостерегающему взгляду, язык все же стоило держать за зубами.

– Знать, что на уме у нашего врага, я никак не могу. Я изучаю магию, а не читаю мысли людей, – отчеканила холодно Мирослава Никитична.

– Берг верно говорит, – поддакнул чернявый единец с бородой до пупа. – Странно это.

– Согласен, – поддержал братьев Лутар, дюжий единец с русой вихрастой шевелюрой и по совместительству лучший друг Берга. – Думаю, не мне одному в голову пришло, что нас таким образом пытались не прикончить, а насильно пробудить, – сказал он вслух то, что у всех гонителей вертелось на языке.

– Лутар, – голос Мирославы Никитичны прозвучал пугающе ласково и угрожающе, – нам бы сейчас разобраться с вихрями, а не догадками обмениваться. Поделишься мыслями с друзьями после окончания заседания.

– Но... – возмутился было Лутар.

– Молчать! – рявкнул Велимир так, что члены Совета все разом вздрогнули. – Следующий, кто решит высказаться, огреbet три десятка плетей от меня лично. Всем ясно?

– Да, вершитель, – неровным хором отозвались единцы, окончательно посмурнев.

Пуще прочих хмурился Берг. В голове постепенно начинала складываться более или менее четкая картина произошедшего, и оттого, что ему велели заткнуться, уверенность в правильности своих предположений лишь крепла. Он многозначительно переглянулся с Лутаром, даже не сомневаясь, что увидит в его глазах отражение собственных мыслей.

Убедившись, что в ее монолог больше никто не встрянет, Мирослава Никитична поспешила перейти к сути.

– Итак, доподлинно известно, что неизвестный применил к единцам поисковые чары. Колдовство нам знакомое и вовсе не страшное, – она небрежно махнула рукой, точно муху назойливую отогнала. – Пугает иное. Когда по следам поисковых чар идет человек – это понятно. Ведьмы и животных таким образом натравливать на своих жертв умеют. Тут опять же ничего удивительного. Животных легко заворожить, у них есть какой-никакой разум, – Мирослава Никитична постучала себя указательным пальцем по виску. – Они существа из плоти и крови. Совсем иное дело, когда за чарами последовало то, у чего нет ни разума, ни плоти как таковой.

Мирослава Никитична умолкла на миг и принялась теребить свою подвеску. Неслыханная потеря самообладания для женщины, которая и бровью не ведет, когда на ее глазах препарируют трупы колдунов и пронзают осиновыми кольями или железными прутами еще живых ведьм, чтобы изучить их реакции. Даже когда казнили близкого друга семьи Ратмира, она не проронила на людях ни слезинки и не выказала ни малейшего признака нервозности. А тут вдруг такие дерганные движения.

– Безусловно, во времена, когда на землях Междукняжья еще встречались природные ведьмы, управление стихиями было возможно, – опомнившись, Мирослава Никитична оставила в покое подвеску и вновь уперлась ладонями в трибуну. – Но даже тогда не существовало ведьм, способных вызвать столько вихрей разом, да еще и на таких огромных расстояниях друг от друга. Более того, все без исключения единцы утверждают, будто вихри обладали зачатками сознания. То есть они были способны отличить гонителя от прочих людей. К тому же с единцами вихри сражались не ветром, а щупальцами из самой настоящей плоти. А это значит, что перед нами уже не просто природное явление, а совершенно новое создание, сплетенное сразу из нескольких аспектов чар. И оно не просто обладает примитивным разумом, но и умеет при необходимости менять свойства своего тела. – Мирослава Никитична кашлянула в кулачок и глотнула воды из стоящего на трибуне стакана. – Мы решили назвать эти вихри Вехами. На данный момент реальность такова, что у нас нет ни единой зацепки касательно их происхождения. Мы даже не можем с уверенностью заявлять, что у них есть хозяин. Ведь нельзя исключать и тот факт, что это всего-навсего новый, проникший к нам из Нави вид нечисти, который появился без вмешательства человека.

– И как же Житница чар нашла способ бороться с тем, о чем ничего не знает? – долетело из зала.

– Враг моего врага – мой друг, – выдала Мирослава Никитична.

– Только не говорите... – снова не смог промолчать Берг.

Мирослава Никитична вскинула руку, пресекая любые возражения.

– Именно это я и хочу сказать. Мы понятия не имеем, какова природа Вех, как с ними бороться, где и когда они снова объявятся. А главное, мы не имеем ни малейшего представления о том, как исцелить тех людей, которых превратили в немощных стариков. – Взгляд ее вдруг сделался ледяным, а тон стал куда жестче. – Искать ответы мы можем очень долго, а они нужны нам прямо сейчас. Ибо сегодня ночью пришла весть о появлении Вех на востоке Сырьского княжества, в городе Топец. Полностью разрушен посад, все жители обращены в стариков. Множество горожан ранило обломками строений или придавило насмерть. Те, кто уже был стар на момент нападения, также скончались, мгновенно превратившись в истлевшие трупы.

Единцы и десятники в недоумении переводили взгляды с вершителя на настоятеля и обратно, но выражения лиц командиров подтверждали слова Мирославы Никитичны. Как так вышло, что эта женщина знала больше, чем те, кто всегда находится на передовой и должен бороться с такими вот напастями?

– В Топце не было гонителей, так как город и близлежащие земли давно очистили от нечисти. Городская стража против Вех оказалась бессильна. Потому, пока трагедия не повторилась, я призываю гонителей отправиться на поиски ведьм. – Слова Мирославы Никитичны ударом молнии обрушились на гонителей. – Их надлежит доставить в Сторожный монастырь живыми и по возможности невредимыми, дабы мы могли привлечь их к изучению Вех и общими усилиями найти способы борьбы с ними. – Сверкающие негодованием взгляды ничуть не смутили Мирославу Никитичну, и она продолжила: – В этот раз нам предстоит отступить от принципов и не истреблять колдунов, а убедить их сотрудничать со Сторожным монастырем любыми способами. В конце концов, появление Вех и для них большая проблема. Со дня на день среди простого люда вспыхнет паника. Недалек тот час, когда они начнут вершить самосуд над любым, кто покажется им хоть немного подозрительным. Уверена, головы ведьм, что живут при деревнях под защитой местных жителей, полетят с плеч первыми. Найдите их раньше, чем это случится. На счету каждое мгновение.

На несколько ударов сердца в зале повисла не предвещающая ничего хорошего тишина, и пространство буквально взорвалось. Сначала раздался ропот, глухой, как далекий гром, но уже в следующий миг он перешел в открытое возмущение. Единцы вскакивали со скамей, в негодовании потрясали кулаками и подвесками гонителей на своих шеях, напоминая: они борцы с колдовством и нечистью, а не их защитники. Мужчины горланили так, что уши закладывало. Многие, напрочь позабыв, где находятся, перешли на брань. К единцам присоединилисьдесятники. Все галдели одновременно, захлебываясь в ярости.

Не сдержал себя даже Берг, который раньше неизменно вставал на сторону матери в любой ситуации. Сегодня он просто не мог поверить в услышанное. Подобное лечится подобным? Это бред чистой воды!

– Ведьм щадить? – прорычал Лутар. – После всего, что мы видели и пережили за годы службы?

– Сколько братьев мы потеряли по их вине?! – выкрикнул другой единец.

– Это так-то мы почтим память погибших? Приведем их губителей в наш дом? Оскверним святую землю? – взвился единец по имени Давор, у которого не так давно в бою с упырями пал родной брат.

– Мы клятву давали, – звук голоса Берга перекрыл остальной шум.

Он вышел вперед и встал перед трибуной, глядя на мать снизу вверх. Однако со стороны смотрелось так, будто это не он стоит перед главой Житницы чар и Вящим Советом, уязвимый и одинокий, а они, провинившиеся и пристыженные, должны держать ответ перед ним.

– Ратмира сожгли всем в назидание из-за этой клятвы. Али позабыли уже, господари достопочтенные, как сами его на костер отправили. И каждого из нас заставили смотреть от начала и до конца, чтобы неповадно было. А, быть может, забыли, как дитенка, ни в чем неповинного, моими руками сгубили, боясь, что вырастет дите это и мстить придет за мамку с папкой?

– Берг, – предостерегающе пробасил Велимир, но сын лишь отмахнулся от отца.

– Откуда вам, уважаемые члены Совета и господа рыня хранительница, знать, что все это не самими ведьмами подстроено? Что не сговорились они и Вех не сообща создали, дабы вот к такому отчаянному решению нас подвести? – Берг сложил могучие руки на груди и вопросительно выгнул бровь.

Единцы и десятники притихли, наблюдая за братом. На их памяти Берг никогда не перечил никому из старших по званию и уж тем более Совету или матери. Напряжение в зале достигло пика, оно пульсировало гневом во вздувшихся на шеях взъяренных гонителей венах, трещало в их сжатых до побелевших костяшек пальцев кулаках, слышалось в скрежете зубов и тяжелом сопении.

Но не только гонители были на пределе. Старейшины и Владыки тоже переглядывались меж собой и ерзали, шурша тканями дорогих одеяний. Странное, вызывающее множество вопросов поведение для тех, кто стоял на вершине власти в Междукняжье и не знал таких чувств, как растерянность или смущение. Они теребили массивные перстни на пальцах, оглаживали бороды, перебирали четки и, что было поразительнее всего, – молчали.

Даже секретари, обычно сосредоточенные исключительно на записях, подняли головы и уставились на Берга, перестав шкрябать перьями. Одна из хранительниц, сопровождавших Мирославу Никитичну, тихонько ахнула, прикрыв рот ладонью, другая положила руку на сердце, словно ее вот-вот хватит удар, остальные уставились на носки своих туфель, делая вид, что ничего не слышали.

Дураку было ясно – люди, привыкшие жить по установленному порядку в строгом соответствии с правилами, одновременно почувствовали, как этот порядок дал трещину. Все в зале осознали, что сейчас происходит нечто такое, чего не должно и не могло быть. Берг – олицетворение идеального гонителя и абсолютного повиновения – посмел надерзить Совету, а в Сторожном монастыре поселятся ведьмы и колдуны. Как до такого дошло?

Отец Зрящий поднялся со своего места неспешно. И как по щелчку пальцев, повинувшись вбитому с малых лет в голову инстинкту подчинения Церкви, гонители сделались покорны и все до единого опустили на одно колено. Склонили головы даже настоятель и вершитель.

Отец Зрящий был высок, не худ, но и на воина телосложением не тянул. Скорее он был по-неземному изящен и величественен в своих свободных золотых одеяниях, оттененных черной вышивкой. Его роскошный балахон казался невесомым, как и черная мантия, скрепленная на груди золотой фибулой в виде закрытого глаза, обмотанного цепью. Голову его обхватывал обруч из черного металла все с тем же знаком Церкви Праматери в центре из золота. Длинная светло-русая борода Отца лоснилась, спускаясь почти до колен, а холодные серые глаза, казалось, видели насквозь не только души людей, но и их мысли. Угадать его возраст было трудно. С одной стороны, от уголков глаз разбегались лучики глубоких морщин, морщины пересекали лоб. С другой, ни в шевелюре его длиной до плеч, ни в бороде – ни одного седого волоска, да и гладкости кожи рук и ее чистоте позавидовала бы любая молоденькая барышня.

Его звали Станимир, но по имени к нему не смели обращаться даже Старейшины. Для всего Междукняжья он был Отцом и наместником Праматери в этом мире.

– Сделаем, как сказала Мирослава Никитична. Такова воля Праматери и воля Вящего Совета. – Отец Зрящий спустился с помоста, обогнул трибуну и остановился перед коленопреклоненным Бергом. – Гонитель не ведает сомнений в своем предназначении и беспрекословно подчиняется приказам Вящего Совета, не рассуждая о правильности его велений, – процитировал он один из пунктов кодекса Братства гонителей и, схватив Берга за подбородок, вынудил того посмотреть себе в лицо; его пальцы впились в плоть точно стальные клещи. – Скажи мне, единец, неужто ты усомнился? – Берг чуть качнул головой, ощущая, как ногти Отца оставляют на коже кровавые царапины. – Хорошо. Тем и спасен. В противном случае мне бы пришлось напомнить тебе, чем чревато своеволие и мысли непотребные. Это касается и остальных. – Отец окинул зал грозным взглядом. – Посмеете устроить подобный балаган еще хоть раз, велю выволочь вас на площадь и выпороть до беспамятства на глазах у всего Надмирного града, а затем бросить в подземелья, пока снова за ум не возьметесь. И будьте уверены, никакие былые заслуги вас не спасут. Праматерь не терпит и всегда сурово карает тех, кто идет против Ее воли. Лишь истинно верующих и покорных одаряет Она своей благодатью и любовью.

Отец Зрящий отпустил Берга, нарочито заботливым движением стер выступившую на его лице каплю крови и потрепал по макушке, словно любимого нашкодившего щенка. После вернулся на свое место.

– А теперь продолжим.

Кодекс Братства гонителей

(утвержден Вящим Советом после Дня усмирения сынов)

1. Принося клятву верности Вящему Совету и Братству гонителей, гонитель отрекается от всяких званий и титулов мирских, становясь лишь клинком, направляемым дланью Великой Безокой Праматери.

2. Однажды вступив в Братство, гонитель не может его покинуть и обязуется служить ему до самой своей кончины.

3. Гонитель не мнит себя ни добром, ни злом, но действует исключительно во благо верующих в Великую Безокую Праматерь.

4. Гонитель осознает ценность каждой жизни и пронзает клинком врагов Праматери лишь из необходимости, когда грешник сулит гибель и страдания верующим и иного способа усмирить того грешника уже не сыскать.

5. Гонитель не ведает сомнений в своем предназначении и беспрекословно подчиняется приказам Вящего Совета, не рассуждая о правильности его велений.

6. Гонитель может изучать магию и способы защиты от нее, но клянется никогда не применять оную, дабы не очернить душу свою светлую грехом непростительным.

7. Гонитель не может использовать знания и умения, полученные в Братстве, дабы свершать месть личную или вредить тем, кто в колдовстве неповинен.

8. Гонитель должен без колебаний отдать свою жизнь, как того требует долг его – защитника всех верующих в Великую Безокую Праматерь и чтящих Ее.

9. Гонитель видит душой и сердцем, ибо очи его застлать могут чары темные, но вера в сердце завсегда приведет гонителя к истине и от обмана убережет.

Глава 4. Раскаятие

На территории Сторожного монастыря расположилось множество строений. Внутри огромной каменной стены, окружающей оплот Братства гонителей, строгая структура прослеживалась во всем, начиная от внешнего вида зданий до дорожек, прямыми, четкими линиями пересекающих дворы, тренировочные площадки, сады и огороды Братства. Здесь не отвергали блага цивилизации, но старательно избегали роскоши и чрезмерных удобств. Хотя благодаря внушительному охранному оброку, который платили княжества Сторожному монастырю за защиту, это место могло бы позволить себе даже ручки дверные из золота отливать да драгоценные камни к лошадиным сбруям прилаживать. Просто настоятель и надзиратели не видели в этом смысла.

К чему приучать спать на пуховых перинах тех, кто большую часть жизни проведет в седле с мечом наперевес, мотаясь по лесным чащобам, болотам и степям? Даже детям, выходцам из знатных семей гонителей, не позволялось селиться в одиночных кельях или ночевать в отчем доме, пока они проходили обучение. С шести лет и до совершеннолетия эти мальчишки – малуши – жили без праздности, без отдыха, без права на собственные желания.

Вящему Совету не нужны были люди – ему нужны были цепные псы, готовые по мановению руки хозяина вгрызться в глотку даже брату родному. Подъем – еще до восхода солнца. Сон – лишь с дозволения надзирателей, а не когда глаза смыкаются. Любое промедление – это неповиновение. Еду нужно заслужить часами изнурительных физических тренировок под открытым небом, и неважно, душающая ли жара за окном, проливной дождь или трескучий мороз.

Малуши не просто молились на утренних и вечерних стояниях в храме – они вымаливали себе шанс выжить. Их учили, что каждый вдох – это милость Праматери, каждая ошибка – это пятно на Ее Божественном лице, которое они могут смыть, лишь покорно приняв наказание.

Сомнения, жалобы, слезы – все это ложилось на плечи мальчишек тяжелыми ударами плетей надзирателей и неделями в холодных подземельях на хлебе и воде, где оставалось только взывать к Праматери и клясться Ей в том, что подобное никогда не повторится.

Колени в корках запекшейся крови от бесконечных молитв, исчерченные шрамами спины, ладони, стертые в кровь о рукояти мечей и древки копий, ступни, покрытые мозолями от часовых забегов по холмам в полном снаряжении, десятки переломанных костей, вывихнутых суставов и разорванных связок...

И вот кодекс Братства заучен так, что слетает с губ даже во сне. Молитвы произносятся без запинки, а все сказанное настоятелем и надзирателями становится единственно возможной истиной. Вместо кровавых ран на руках – грубые мозоли, что более не болят. Уже нет нужды стирать колени, стоя перед статуей Праматери на сухом горохе часами напролет, потому что давно нет бестолковых мальчишек, есть гонители, которые не допускают ошибок. Да и бег теперь дается легко, даже если впереди еще километры пути, а двигаться надо по колено в снегу или навстречу ураганному ветру.

Жалость к себе – изъян, который вырван из сознания с корнем.

Отныне смысл жизни заключается в служении Вящему Совету. Выследить, схватить, убить. И так по кругу. Не задавая лишних вопросов, не ведая сомнений. Слепая преданность, основанная на непреложной для любого гонителя истине: гонитель принадлежит Братству, Братство повинуется Вящему Совету, Вящий Совет несет в мир волю Великой Безокой Праматери.

Берг был тем, кто усвоил все то, чему учили в Сторожном монастыре, куда лучше прочих гонителей. Даже среди своих его нет-нет да называли за глаза чокнутым фанатиком. И сегодня, когда этот фанатик вдруг дерзнул высказать несогласие с мнением Совета и настоятеля, фун-

дамент, на котором зиждился непререкаемый авторитет оных, едва заметно пошатнулся. И лучше прочих это понимал сам Берг, отчего его теперь грызла совесть.

На территории Сторожного монастыря имелся свой храм Безокой. Он был куда меньше собора в сердце Надмирного града, но Берг все равно любил молиться именно здесь. Уже второй раз за день он пришел сюда. Незаметной тенью скользнул за спинами братьев, собравшихся на вечернее Прозрѣнное стояние, и скрылся в одной из неприметных боковых дверей центрального зала. Стоило оказаться в тускло освещенном коридоре, как монотонное звучание голосов пригляда, служащего стояние, и его незрѣмцев стихло.

Берг двинулся прямо, минуя множественные ответвления, пока не достиг второй нужной двери. За ней виднелись ступени, уходящие глубоко вниз. Часть лестницы терялась в кромешной темноте, и только в самом ее конце подрагивало тусклое, малюсенькое пятно света. Но факел Берг брать не стал: спустился и так. Глаза видели четко, хотя ночному серо-голубому зрению явно недоставало красок. Впрочем, в этом каменном мешке и при хорошем освещении пространство не взорвалось бы яркими цветами. Место, созданное для раскаяния и истязания плоти, внешне полностью соответствовало своему назначению.

Берг невесело усмехнулся. Пожалуй, он был единственным гонителем, которого никогда не отправляли сюда насильно. Каждый раз он спускался в подземелье добровольно, сам назначал себе наказания и приводил их в исполнение. Пришел засим и сегодня. Сколь бы абсурдным ни считал план Житницы чар, сколь бы поспешным и необдуманым ни казалось решение Вящего Совета довериться мнению хранителей Житницы, вести себя так в Доме прозрения Берг не имел права. Если он не дошел до чего-то своим скудным умом, то это лишь его проблема, но никак не повод прилюдно оскорблять неверием достопочтенный Совет.

В отличие от коридоров на верхних этажах храма, в проходах подземелья никогда не бывало тихо. Из-за множества закрытых дверей доносились самые разные звуки: стоны, всхлипы, молитвы, проклятия, лязг цепей, свист воздуха, рассекаемого плетью, окрики надзирателей и просьбы о пощаде наказуемых. А еще здесь всегда пахло кровью и страхом. Да, у страха определенно имелся запах, *оно* четко улавливало этот аромат и делилось ощущениями с Бергом. Железистый, кисловатый, с легким солоноватым послевкусием запах будоражил единца, щекотал ноздри, а *оно* довольно ворочалось внутри, ведь любило «поглощать страх» более всего – такова уж природа хищников.

Берг столкнулся и обменялся сухими приветствиями с парочкой надзирателей, одарил сочувствующим взглядом плетущихся за ними малушей и скрылся в одной из комнатушек. Из мебели здесь имелись стул и стол, на котором лежали вещи, необходимые для покаяния. На дальней стене была высечена фигура Праматери в полный рост. В углах, слева и справа от нее, стояло по свече. Берг зажег их с помощью кресала и трута. Свечи озарили мягким светом тело Богини, но, как и полагалось, не отогнали теней от Ее лица.

Гонитель подошел к столу. Разулся и разделся до исподнего. Положил одежду аккуратной стопкой на стул. Взял со стола мешочек с сухим горохом, черную ленту из плотной ткани и плетку-треххвостку с металлическими наконечниками. Горох рассыпал перед ликом Праматери, встал на него коленями, положил плетку перед собой и завязал глаза.

– Владычица Великая Безокая, Мать всего сущего, пусть не зришь Ты, но помыслы мои и терзания душевные ведаешь духом своим всеобъемлющим. Грешен перед Тобой. Усомнился в пути Тобою мне начертанном, взволновали разум мой испытания, Тобою посланные, дерзнул я судить о правильности и неправильности деяний тех, кого милостью разумеешь волю Твою Ты одарила. Слаб я, и очи мои слепы, коли не узрел я замысла великого в решениях Отца Зрящего и Старейшин мудрейших, чьими голосами Ты говоришь со мною. Прости меня недостойного, прими искреннее раскаяние мое, кровью своею я заплачу Тебе за сомнения свои, злобу свою и гордыню непомерную, что толкнула меня говорить с наместниками Твоими так, будто равня

я им. Не раскрою больше против Тебя и них рта своего презренного, не брошу взгляда дерзновенного. Очисти разум мой от помыслов поганных, волю мою укрепи, мудростью смирения снова одари. О сем молю Тебя, о том каюсь, к спасению и милосердию Твоему взываю.

Берг коснулся средним и безымянным пальцами правой руки сначала левого плеча, потом солнечного сплетения, затем правого плеча. Нащупал рукоять плетки и, зашептав новую молитву, обрушил мощный удар себе на спину.

Давно минула полночь. Мирослава Никитична стояла в комнате сына, держа в руках подсвечник с зажженной свечой, и смотрела на стену, на которой висела выстиранная походная одежда гонителя. За годы жизни с Велимиром она выучила каждую деталь подобного одевания, могла с закрытыми глазами описать каждый ремешок. Темно-серая, почти черная туника из плотного льна до середины бедра; широкий кожаный ремень с креплениями для ножен, сосуда со Слезам Праматери и подвески гонителя; кожаные штаны и кожаные сапоги с высоким голенищем. Мирослава Никитична знала, что, если похолодает, то поверх туники Берг непременно наденет облегающий жилет из мягковыведанной кожи. С собой возьмет кафтан-сермягу из плотного сукна, который на груди и со спины усилен кожаными скрытыми вставками, прихватит и воженный плащ с капюшоном для защиты от ветра и дождя, а еще кожаные перчатки. И не будет у него с собой ни кольчуги, ни шлема, ибо есть колдуны, что повелевают железом и могут раскалить его докрасна, расплавить или заставить смяться так, что никакие человеческие кости не выдержат такого давления.

Мирослава Никитична вдруг настолько четко представила расплющенного ведьмовской мощью Берга, что невольно вздрогнула, едва не выронив подсвечник из рук. Мигом одернула себя и собралась с мыслями. Боги, может, и обозлились на род человеческий, но они мудры и должны понимать, кто действует по собственной воле, а кого обманом заставили истину позабыть. Авось помилуют они Берга и на этот раз, вернут домой целым и невредимым.

Да, боги все видят. Так решила Мирослава Никитична и малость успокоилась. Все у ее Вьюжика сложится хорошо. Ведь его отец тоже гонитель, но смог же и любовь найти, и семью крепкую создать и не помереть при этом в бою, стать вершителем, которому нет больше нужды по лесам и весям шляться. Однажды и Вьюжик выйдет на дело в последний раз, а после поселится подле стариков своих с молодой женой, дитяток нарожают, будет Мирослава Никитична с ними нянчиться...

В груди зануло так, что дышать тяжело стало. Женщина тихо и обреченно рассмеялась. Это Берг-то усадьбу в городе прикупит и жену в дом приведет? Это он-то с детками тетешкаться станет? Это он-то в Сторожном монастыре вершителем али надзирателем сядет?

– Ох, – вздохнула Мирослава Никитична, – совсем ты, старая, умом тронулась. Проживет еще годок-другой – и то счастье. Об остальном и не мечтай, не трави душу.

Она воровато огляделась. Будь дома муж и сын, ни за что бы не решилась на подобную глупость. Но Берг ушел истязать себя в подземелья, хоть она и пыталась его всячески отговорить, а Велимир все еще был в монастыре, где держал совет с настоятелем, надзирателями и десятниками. Гонцы доставили еще несколько сообщений о нападении Вех, и Сторожному монастырю предстояло придумать, как обезопасить жителей Междукняжья до той поры, пока Житница чар не найдет способ уничтожить черные вихри.

Мирослава Никитична взяла тунику Берга и разложила ее на кровати. На левом плече серебряной нитью был вышит знак Братства. Она села с краю и дотронулась до правого рукава.

– Ни богов волею, ни тени хотением, но милостью духов огня, ветра, воды и земли заклинаю, со следа сбиваю, путем иным лихо всякое направляю. Да будешь храним не богами уснув-

шими и мир покинувшими, а истинными Стражами Рубежа, в миру ходящими, да за людьми бдящими.

Свеча затрещала, выплюнула вверх несколько крошечных искорок, громко каркнул за окном ворон, колыхнулись занавеси. Мирослава Никитична рвано выдохнула. Сердце заполошно трепыхалось в груди, но она велела себе успокоиться, вернула тунику на место и взялась за следующий предмет одежды. Заговор простенький, умений особых не требует, но если повезет, то он сработает как послание.

Когда за дверью скрипнули половицы, Мирослава Никитична едва не лишилась чувств от испуга, благо к тому времени успела покончить со своим делом и как раз намеревалась покинуть опочивальню сына. Но Берг вернулся раньше, чем мать успела незаметно скрыться. Они столкнулись в дверях, и Мирослава Никитична ахнула. Ее ненаглядный Выужик был бледен, под глазами залегли черные круги, светлая рубаха пропиталась кровью, виски и лоб покрывала холодная испарина.

– Матушка? – удивился Берг. – Ты чего не спишь в столь поздний час?

Мирослава Никитична шумно сглотнула и всеми силами постаралась унять дрожь в голосе.

– Так знала ведь, куда ты отлучался, – проворковала ласково и погладила сына по слипшимся от пота волосам. – Переживала. Не на месте сердце материнское было. Тебе ж уезжать с рассветом. Ты от прошлых ран до конца не оправился, а уже новыми обзавелся. – Мирослава Никитична никогда не понимала и не принимала то, что делал с собой Берг, но давно отчаялась переменить его мнение, скрепя сердце мирилась с его упрямством и поистине фанатичной преданностью делу гонителей. – Я хотела позаботиться о тебе. Раны промыть и перевязать надо. Но прежде разбужу слуг и велю баню истопить. Омоешься.

– Матушка, – Берг устало потер переносицу, хотел попросить мать уgomониться и оставить его в покое, но спорить не было сил, и он сдался, хотя все, о чем мечтал – рухнуть на кровать и забыться крепким сном, пусть даже в грязной одежде и с открытыми ранами на спине. Все одно к утру силы вернутся, а повреждения сами затянутся.

Берг дождался, пока в коридоре стихнут шаги матери, зажег пару свечей. Огляделся. Провел кончиками пальцев по покрывалу на кровати, дотронулся до занавесей, остановился перед вещами, которые приготовил в дорогу.

Для *того, что* жило внутри Берга, абсолютно все имело запах, даже волшба. Кислый или сладкий, горький или соленый, цветочный или гнилостный – неважно. Главное, что чары всегда пахли. Иногда аромат был чуть уловим, а порой от колдовского смрада просилось наружу содержимое желудка. Простые люди, может, того и не замечали, но гонители людьми в привычном всем понимании не были и волшбу ощущали иначе.

Берг коснулся рукава туники и уткнулся в него носом. Гвоздика. Не знай, что искать – и не учуешь. Но он знал. Натыкался на этот запах не впервой. Не чары в привычном понимании, так, мелкое баловство. Однако волшба имела место, и ситуация не давала Бергу покоя.

Глава Житницы чар точно знала, что магия оставляет за собой шлейф ароматов. Ребенком Берг часто задавался вопросом, зачем его изящной, похожей на сказочную белокурую фею, матери покупать у заморских купцов ароматические масла с резким и приторным запахом жженого меда и корицы, которые никак не сочетались с ее воздушным образом. К тому же ни Берг, ни Велимир этот запах не любили, от него свербело в носу и хотелось чихать. Но Мирослава Никитична нет-нет да втирала пару капель в кожу. Став старше, Берг начал догадываться об истинном предназначении масел.

Этой ночью аромат жженого меда разливался по всему дому. Абсурдность происходящего заключалась в том, что, если бы не это, Берг и не подумал бы так придиричиво обнюхивать свою комнату. К утру же от запаха вовсе не осталось бы и следа.

– Срань сратая, – пробубнил Берг и рванул вверх края рубахи, которая уже успела прилепиться к спине из-за подсыхающей крови.

Раны намокли снова, но было наплевать. Со злостью швырнув грязную рубаху на пол, Берг плюхнулся в кресло за письменным столом, уперся локтями в столешницу и обхватил голову руками.

«Зачем, зачем, зачем?» – пульсировало в мозгу. Волшба не вредоносная, смехотворно слабая, но каково в таком случае ее назначение? И что делать Бергу?

Уличить мать? Сдать настоятелю и Вящему Совету? Но тогда...

Нет. Взгляни на все с другой стороны.

Она днями напролет возится с чужими чарами, артефактами, амулетами. Запаху ничего не стоит прицепиться к одежде, волосам, коже. Если надумаешь себе то, чего нет, подвергнешь опасности всю семью. Быть может, матушка использует эти масла, потому что и сама не выносит запах волшбы, хочет заглушить его.

– Молодец, Берг, – прошептал единец, глянув в окно, за которым на ветке дерева сидел большой ворон, не сводивший с него глаз. Птица склонила голову набок, будто приготовилась внимательно слушать. – Что зенки вылупил? Осуждаешь? – Берг зарылся пальцами в бороду. – Да, вот такая я скотина трусливая. Придумываю ей оправдания уже не первый год. И еще смею зваться единцем, смею опускаться перед Безокой на колени и просить Ее о прощении. – Ворон коротко каркнул, переступил с ноги на ногу и склонил голову на другой бок. – Ты прав, – покивал Берг, – с этим надо кончать. Вон, уже до перемирия с ведьмами дошло. А дальше что? Братство распустим?

Ворон вспорхнул с ветки и перелетел на подоконник, замер, еще пристальнее уставился на гонителя.

– Знаю. В первую очередь я – единец, пес Вящего Совета и верный раб Безокой, а уже потом сын, брат и дядя. Нельзя было об этом забывать. Нельзя было позволять ей обрести такое влияние. Баловство это или колдовство настоящее – конец всегда один.

Перед глазами всплыло лицо девочки, которую когда-то оставил в лесу на растерзание медведю. Не хотел видеть на ее месте племянников или смотреть, как пламя костра пожирает тело отца под одобрительное улюлюканье толпы. Но разве не в том суть бытия гонителя – жертвовать всем во имя веры?

Оно снова сделало свое дело, к рассвету множественные рваные раны на спине превратились в неглубокие порезы, которые хоть и зудели нещадно, но движений не сковывали и болью не изматывали.

Провожать младшего господаря вышли всей усадьбой. Не раз и не два отправляли его вершить дела во славу Безокой, но никогда не прощались так, будто назад дожидаться не чаяли. Беспокойства не сумел скрыть даже Велимир, всю ночь изучавший отчеты об ужасах, творимых Вехами. Сыну велел по возможности избегать долгих остановок в деревнях и селах, а города и вовсе лучше обходить десятой дорогой. Хотя соваться туда и без того смысла не было: ведьмы многолюдные поселения не жаловали и вдали от диких лесов, степей, гор и болот встречались редко.

Мирослава Никитична подошла к сыну последней, прочла молитву обережную, от всяческого зла хранящую, осенила знамением Безокой. Крепко обняла, а когда хотела уж было отпустить, Берг вдруг стиснул ее в объятиях крепче, склонился к уху и сказал так, чтобы другие не расслышали:

– Если к моему возвращению со всей этой мерзостью не завяжешь, самолично голову с плеч снесу. Хватит. Я достаточно закрывал глаза, выжидая, что одумаешься. Но поступать так

и впредь не намерен. Знай, не я один ведьм в Сторожном монастыре не потерплю ни в твоём лице, ни в лице тех, кого ты сюда привести велела. Единцы лучше сдохнут все до последнего, чем с колдунами перемирие заключат.

– О чем ты? – Мирослава Никитична отпрянула от сына и заглянула ему в лицо. – Что вы задумали, Вьюжик?

– Береги себя, матушка.

Берг чмокнул мать в лоб, вскочил в седло, помахал на прощание домочадцам и выехал за ворота, где его уже дожидался Лутар.

Глава 5. Не сочти грехом

После первого нападения Вех было принято решение, что пока единцам лучше странствовать парами. Берг не верил, будто это хоть как-то поможет им, если доведется вновь столкнуться с черным вихрем, но против компании Лутара не возражал.

Этого улыбчивого и никогда не унывающего ребенка привез в Сторожный монастырь Велимир. Родители Лутара были зажиточными торговцами пушниной с востока Дремского княжества. Их убили тати на лесной дороге, когда мальчишке исполнилось шесть. Лутар был с ними в тот день, все видел, сам чуть не помер, но Велимир с отрядом как раз ловили лешака неподалеку и успели отбить ребенка. Разбойников порешили на месте. Позже выяснилось, что никто из родственников не желает брать мальчика к себе. Велимир покумекал денек и решил, что его нелюдиму Вьюжику такой друг не помешает. Так Лутар стал малушей вместе с Бергом. Велимира почитал как родного отца, Мирославу Никитичну тоже ценил, с их старшими дочерьми ладил отлично. Один Берг поначалу сторонился шумного, вечно влипающего в неприятности Лутара, но со временем и его ледяное сердце оттаяло.

Берг доверял Лутару как самому себе, но поделиться мыслями о матери не решился даже с ним. Потому первые пару часов пути просто молча слушал бесконечную болтовню друга. Лутара это ничуть не смущало, и, когда он понял, что Берг не настроен поддерживать беседу, принялся петь. Голос ему достался не из тех, что сотрясают стены на шумных пирах, но такой, что лезет прямо в душу. Глубокий, бархатистый, с почти неразличимой, особенной ноткой грусти, знакомой только тем, кто знает цену веселью. Пение Лутара и вправду завораживало. Песен он помнил превеликое множество, чем привлекал к себе внимание всех, кто проезжал мимо. А народу им повстречалось немало.

Большак, по которому единцы покинули Надмирный град, слыл одним из самых оживленных в Междукняжье. Оно и понятно. Надмирный град был не просто городом, а центром духовной жизни княжеств, куда стремились тысячи паломников, купцов, ученых, ремесленников и людей прочих профессий. Гости из других стран мечтали непременно посетить его, чтобы воочию увидеть громаду Сторожного монастыря или полюбоваться диковинной архитектурой главного собора Праматери и башней Житницы чар. Простой люд стекался сюда в поисках лучшей жизни, надеясь, если не найти тут работу и угол для проживания, то хотя бы получить благословение от самого Отца Зрящего или кого-то из Старейшин.

Так уж сложилось, что Надмирный град всегда приковывал взгляды, вызывал благоговение и имел особый статус: не принадлежал ни одному из княжеств, но взимал с них плату в пользу Сторожного монастыря – охранный оброк.

В городе процветала торговля. Огромный базар вблизи южных ворот гудел с раннего утра и до поздней ночи. Здесь продавали редкие травы, амулеты, ткани, драгоценные камни, пряности, свечи, чернила, книги и множество диковинок, привезенных из заморских стран. Ходили слухи, что за работу мастеров из ремесленного квартала Надмирного града, иные бояре готовы выложить столько, сколько не каждый князь на содержание дружины за год тратит. В общем, жизнь в городе была ключом, оттого Святый тракт, как называли большак в народе, никогда не бывал пуст.

Лутара сей факт ничуть не беспокоил. Он лучезарно улыбался каждому встречному, не забывая игриво подмигивать молодым девицам. Последние при виде высокого, плечистого гонителя с вихрастой светло-русой шевелюрой и окладистой бородой, мгновенно покрывались стыдливым румянцем и бестолково хихикали. Берг только закатывал глаза и качал головой. Одной Безокой ведомо, сколько вот таких дур пустоголовых потеряло честь, поведясь на лукавый прищур голубых глазищ Лутара. Нет, Берг, конечно, и сам целомудрием не отличался, но

до бесстыжего стервеца, что ехал по левую руку и раздаривал сладострастные улыбочки налево и направо, ему было далеко.

Когда свернули с большака, Берг выдохнул с облегчением. Во-первых, Лутару надоело петь, и он притих. Во-вторых, они, наконец, скрылись с глаз людских. Путь их лежал к границе Дремского и Овражного княжеств, где, по неподтвержденным сведениям, мог обитать весьма сильный чародей или чародейка.

Вообще, в последние десятилетия выслеживать ведьм стало куда сложнее. Количество их изрядно сократилось, а те, что еще оставались в живых, научились хорошо прятаться. Потому гонители начинали поиски с мест, где ни с того ни с сего вспыхивали болезни или случался массовый падеж скота. Излишняя активность нечисти тоже принималась во внимание, как и резкое сокращение дичи в лесах, заболачивание озер, гибель посевов. Попадали под подозрение и кликуши: их изучали с особой тщательностью. Поводом для проверки служил даже рост количества несчастных случаев в поселении и тому подобное. Не всегда эти беды были делом рук колдунов, но к поимке и казни оных приводили частенько.

Однако случались и обратные ситуации, и тогда все сильно усложнялось. Порой ведьмы умудрялись втереться в доверие к крестьянам, заручиться их поддержкой. Таких чародеев простолюдины готовы были защищать до последнего вздоха, коль о них гонители пронюхают. Что, если рассуждать логически, было немудрено. Ведьмы и ведьмаки умели договориться с нечистью: умаслить лешего, чтобы охоте не мешал, задобрить водяного, чтоб рыбки побольше в сети подкидывал. Колдуны не боялись полудниц, знали, как унять гнев недовольного полевика, пришибить упыря и утихомирить заложных покойников. А уж о тех ведающих, что зелья на все случаи жизни варили, и говорить нечего. Кто ж погонит из деревни человека, могущего одной каплей из склянки любую проблему решить: недруга со свету сжить, присушку на молодца горделивого сотворить, али мужика какого от пьянки отвадить, бабе бездетной понести помочь...

В молодости Берг был свидетелем такой вот слепой преданности крестьян, когда гонители пришли за Тихеей, любовницей Ратмира, и ее дочерью. Он хорошо помнил, как озверели местные. Даже пригляд за вилы схватился. Все орал, что Братство слепо и не ведает истинной воли Праматери, для которой всяк на земле живущий – желанное и дорогое сердцу дитя.

И вот Бергу, вероятно, предстояло столкнуться с этим снова.

Крупное село с безобидным названием Стародубки и его окрестности всегда были спорной территорией между Дремским и Овражным княжествами. Уж больно много дичи водилось в Тихом лесу, неподалеку от села; рыбаки никогда на уловы не жаловались; ягод и грибов росло вдоволь – собирай не хочу, да и с полей урожаи пожинали всем на зависть.

В Стародубки гонители наведывались регулярно, но сколько ни бились – ничего колдовского там не нашли. Народ приветливый, богобоязненный. Своими силами церковь Праматери возвели, на Прозренные стояния ходили исправно, духам жертв в лесах и на берегах водоемов не оставляли, прочих странных обрядов не проводили, амулетов чародейских в домах не прятали. Местный пригляд за паству свою головой поручиться был готов. У него, дескать, строго все, даже бородавки и ячмень не заговаривают, а у лекарки обычной в соседнем городе Озерце лечат. Однако в искренность местных жителей верилось с трудом.

Ни Берг, ни Лутар в Стародубках никогда не бывали, но о месте том не раз слышали, а еще прихватили с собой отчеты гонителей, которых посылали в село до них. Берг как раз погрузился в чтение очередного отчета, правя конем одной рукой. Хотя его Зорик караковой масти и без того не свернул бы с дороги. Невозмутимый и послушный конь был отражением своего хозяина, даже на людей зыркал столь же холодно и пугающе.

– Ты знал, что и Дремский князь Жадан Многоумный и Овражный князь Чернег Быстрый присылали прошение Отцу Зрящему от своего имени? – Берг перевел взгляд с пергамента на Лутара.

– Впервые слышу, – мотнул тот головой.

– В этом отчете сказано, что составивший его гонитель лично передал прошение князей Отцу. Князья просили перестать тревожить село Стародубки проверками и народ честной запугивать, на пустом месте обвиняя тех не пойми в чем. Они потребовали признать Стародубки свободными от колдовства и даровать им грамоту неприкосновенности.

Лутар присвистнул, но промолчал. Берг продолжил чтение.

Дорога, по которой они теперь двигались, была неширокой, но хорошо утоптанной копытами коней и прикатанной колесами телег. По обочинам зеленела сочная травка, кое-где мелькали васильки и ромашки, порой попадались молоденькие березки. До самого горизонта простирались поля. Солнышко подбиралось к зениту и то пряталось за облаками, то припекало так, что хотелось скинуть туники, дабы от жары не помереть.

– Они ее не получили, – потряс пергаментом Берг. – Грамоту. Гонитель написал в своем отчете настоятелю нашему, что Отец швырнул то прошение в огонь, едва в руки взял.

– Занятненько. – Лутар похлопал по шее своего каурого Быстяна и поинтересовался у коня: – Что думаешь, приятель? В какое очередное дерьмо нас втянули?

Быстян дернул ушами и фыркнул.

– Видишь, – обратился Лутар уже к Бергу, – даже Быстик считает, что впереди нас непременно ждет подлянка.

– А я разве утверждал обратное? – Берг убрал пергамент в седельную сумку.

– Если там чародей, который и князей на свою сторону перетянул, тяжело будет с ним сладить.

Берг согласно кивнул и погрузился в размышления. Дернулся, когда Лутар подъехал чуть ближе и легонько ударил его кулаком в плечо, после чего потребовал:

– Выкладывай.

Берг посмотрел на него с недоумением.

– Ну уж нет, – Лутар плутовато прищурился, – меня ты этим взглядом не обдуришь. И не смей говорить, что переживаешь из-за стародубского чародея. Брехня. Тебя таким не проймешь. Тут другое. И оно гложет тебя еще со дня Совета, когда ты вспылел прямо перед Отцом Зрящим.

– Фантазия у тебя дюже бурная, – отмахнулся раздраженно Берг и потянулся к фляге с водой, чтобы создать видимость хоть какой-то занятости и не отвечать.

– Что ты сказал матери перед отъездом? – и не думал сдаваться Лутар. – Я видел, как она побледнела от страха.

Впереди как раз показался небольшой лесок. Если верить карте, там и ручей имелся. Стоило сделать привал, отобедать и заодно напоить коней. Берг молча указал на лесок и подстегнул Зорика. Расседывались, умывались и готовили в тишине.

Лутар больше не надоедал с расспросами. Он знал Берга слишком хорошо и был уверен: друг поделится всем, что тяготит, но сначала взвесит и обдумает каждое слово. Таким уж этот упрямец уродился. Всегда стремился справляться со всем в одиночку, дабы, упаси Пра-матерь, никого не обременить, а если и решался с кем-то обсудить наболевшее, то многое не договаривал.

Лутар не ошибся. Берг закончил с готовкой, сел рядом с другом и протянул ему плошку с похлебкой из сушеных грибов, вяленое мясо и ломоть хлеба.

– Я сказал, что убью ее, когда вернусь, – заговорил Берг так, будто не было между ними почти часа молчания.

– Ах, вот оно что, – Лутар не выглядел ни потрясенным, ни расстроенным, отведал похлебки и довольно причмокнул. – Вкусно. Я бы так не приготовил.

– Ты бы вообще никак не приготовил, – буркнул Берг. – Свиньи и те твою стряпню жрать отказываются. Ею только крыс травить.

Лутар широко улыбнулся: что есть, то есть. Готовить он не просто не умел, а был в этом совершенно безнадёжен, потому в совместных походах Берг его к котелку не подпускал, даже чай заваривать не разрешал.

– Я давно догадывался, – Лутар отломил кусочек от хлебного ломтя и отправил в рот. – Но и не предполагал, что до такого дойдет.

– Она даже отца в неведении держала. Он хоть и принял ее сторону на Совете, но по лицу было видно, слышал о перемирии с ведьмами впервые. – У Берга аппетит отсутствовал напрочь, но он все же заставил себя проглотить пару ложек похлебки: силы могли понадобиться в любой момент.

– Согласен. Мне тоже так показалось.

– Странно, – Берг отставил плошку в сторону и прислонился затылком к березовому стволу, взглянул на шелестящую крону, – но я не могу заставить себя возненавидеть ее.

– Ты и не обязан. Она же твоя мать, и ее любовь к тебе безусловна. Ты и сам знаешь, ни тебе, ни дочерям, ни даже мне она бы никогда не навредила, чем бы ни промышляла. – Лутар покончил со своей похлебкой и принялся за порцию Берга.

– И все же мой долг ловить и убивать ведьм. Он выше всего остального.

– Тут я с тобой солидарен, – беспечно махнул ложкой Лутар. – Хотя немного тоскливо. Она и мне была как мать. Надеюсь, хоть мелкие под раздачу не попадут.

Берг уповал на то же. Он прикрыл глаза и тяжело вздохнул. Если Мирослава Никитична предстанет пред Святым судом, несдобровать всей семье. Сам Берг готов был принять любую кару за укрывательство. Знал, что и Велимир не станет бежать от ответственности. Их халатность и без того уже привела к проблемам – грядущему союзу с ведьмами. Ни на миг Берг не усомнился, кто стоял у истоков этой абсурдной затеи. Но племянники точно были ни при чем, и именно безотчетный страх вновь узреть гибель невинных детей, заставлял медлить годами и искать окольные пути решения проблемы.

– Я потому и дал ей время до нашего возвращения, – ответил Берг и отвел взгляд, удивившись своей мягкотелости в этом вопросе. – Если одумается – смолчу. Поговорю с отцом. Пусть вышлет ее из города под вымышленным предлогом и запрет в каком-нибудь захолустном монастыре. Оттуда никому не навредит.

– Думаешь, она замыслила не помочь избавиться от Вех, а наоборот?

– Поди разберись, что у нее на уме. – Берг сунул в руку Лутару свой нетронутый кусок мяса, поднялся и собрал грязную посуду.

– Вехи до сих пор не покушались на Надмирный град. – Лутар поднялся следом за другом и пошел с ним к ручью. – Настораживает меня это. После первого нападения туда свезли всех единцев. Идеальное время для атаки, не находишь? Все цели в одном месте, на ногах едва стоят, да еще и Вящий Совет в полном составе под боком. С такой мощью Вехам ничего не стоило разнести и Сторожный монастырь, и город, но они не пришли. – Лутар выглядел разочарованным, но скорее от того, что мясо закончилось, а не из-за худых дум, заполонивших разум.

– Именно. – Берг присел на корточки у ручья и принялся отмывать посуду прихваченной из мешка с вещами щеткой.

– Может, дело в том, что там за века намолено? Колдовство ведь всегда ослабевает на святой земле.

– Я думал об этом. Но в деревне, где меня на сук насадило, Веха повредила старинную часовню так же легко, как и прочие избы. А в докладах из Топца говорилось, что разрушен каменный храм. – Берг скривился, заметив на плошке приставший кусочек пищи, который не взяла щетка, и поскреб его ногтем.

– Ты вообще человек? – Лутар поднял с земли прутик и потыкал им Берга в спину.

– Ты о чем? – непонимающе отозвался тот, еще раз придирчиво осматривая посуду.

– Когда успел еще и донесения из Топца просмотреть? – Лутар не вытерпел и буквально вырвал из рук Берга плошки, пока тот не удумал их заново перемывать. Этому чудаку дай волю – еще и стирку затеет.

– Не проводи ты все свободное время под юбкой у боярыни Михеевой, тоже много бы чего полезного успел сделать. – Словно в подтверждение мыслей Лутара о стирке Берг понюхал рукав своей туники и поморщился: потом на жаре пропиталась, хоть выжимай.

– Э-э-э нет, дружище, – хохотнул Лутар. – Мы и так живем, как псы на привязи. Потому отказываться от единственной радости я не намерен. Чего-чего, а баб итить – это своего рода тоже святое.

– Ты за языком-то следи, – рыкнул Берг, плеснув в него водой из ручья.

Лутар только заржал в ответ, приговаривая, как свежа водица.

Через три дня пути единцы, решив немного срезать, случайно наткнулись на безымянную деревеньку в десяток домов. Еще издали стало ясно: здесь побывала Веха. Дубовая роща иссохла наполовину, погибли посевы, на пути то и дело попадались издыхающие или уже мертвые птицы, мелкие грызуны, кучки дохлых насекомых. Из кустов на гонителей взирала тощая лисица с подернутыми бельмами глазами и поседевшей шерстью. К ней жались две старые лисы поменьше, видимо, ранее бывшие лисятами. Один зверь слабо зарычал, обнажив почти беззубые десны.

Зорик и Быстан прядали ушами, храпели и шли вперед крайне неохотно. Берг и Лутар молчали, озираясь по сторонам не менее беспокойно, чем кони. В воздухе витал густой запах неведомого, тошнотворного колдовства. От него в носу и глотке не просто свербело, а жгло, как если бы кто заставил гонителей хлебнуть крутого кипятка. Казалось, огромная тварь, только что сожравшая гниющий труп, дыхла на это место, а после всю округу щедро полили помоями, не один день тухнувшими под солнцем.

– Вернемся и поедим другой дорогой, – предложил Лутар, придержав Быстана.

– А если там есть выжившие? – Бергу пришлось спешиться и взять Зорика под уздцы, чтобы продолжить двигаться по направлению к деревне. Конь тащиться в жуткое место желанием явно не горел, растеряв привычную невозмутимость, но и хозяина послушаться не мог, потому шел, как подстреленный – нарочно спотыкался, толкал Берга и мотал головой.

– И чем ты им поможешь? – Лутару тоже пришлось спешиться и следовать за другом, ибо разделяться сейчас было никак нельзя. Быстан упирался пуще Зорика.

– Не знаю пока, – буркнул Берг.

– Не знает он, – сплюнул Лутар и, достав из переметной сумы льняной отрез, повязал его так, чтобы прикрыть нос и рот. – Неужто неймется еще разок на суку повисеть?

Берг не ответил. Лутар не хуже него все понимал и ворчал просто для виду, лишь бы хоть немного разогнать гнетущую тишину. Веха исчезла давно, раз часть птиц и животных уже успела окончательно ослабеть и издохнуть. Наткнуться на вихрь им точно не грозило.

Деревня выглядела удручающе. Дома превратились в развалины, которые не защитят больше ни от жары, ни от дождя, ни от ветра. Рассыпались обломками печи, рухнули горами прогнивших досок бани и сараи, обвалился колодец. Не осталось ни одной зеленой травинки, ни единого кустика хоть с какими-нибудь ягодами, не говоря уже о деревьях, вздымающих к небесам сухие кривые ветви. Тут и там валялись трупы кошек и собак, домашней птицы и скота. Вонь стояла невыносимая. Одним мухам все было нипочем. Они облепили туши, и повсюду раздавалось их противное жужжание.

Никто не вышел поглазеть на чужаков. Только слабые стоны, всхлипы и хриплый кашель долетали до ушей единцев. Немошные старики жались к остовам своих домов, сбившись в кучки. И не различить было, где настоящие деды и бабки, а где вчерашние дети.

Берг мгновенно пожалел, что не послушал Лутара. Невооруженным взглядом было видно: этим людям уже не помочь. Большинство из них едва дышало, были и те, кто не подавал признаков жизни.

– Не останавливайся, – поторопил Лутар, когда из-за почти неразличимого «помогите» Берг замедлил шаг.

– Ступай вперед и жди меня за деревней, – Берг не послушал и остановился.

– Ты чего удумал? – Лутар хотел было развернуться и отвесить другу пинка для скорости, чтобы тот не дурил, но встретившись с ним взглядом, тоже замер. – Дружище...

– Я велел тебе уйти, – в голосе Берга зазвенела сталь, однако Лутар не шелохнулся. – Сказано – вали! Чего не ясно? Мне за шкуру тебя за околицу выволочь? Пошел отсюда!

– Не бери грех на душу, – попытался образумить друга Лутар.

– О своей душе беспокойся, – Берг вытащил кинжал из притороченных к поясу ножен и протянул повод Зорика Лутару. – И его заberi.

Спорить не имело смысла. Если Бергу что взбрело в голову, то переубедить его было никому не по силам. К тому же в глубине души Лутар по-прежнему считал себя всего-навсего сыном торговцев, который не чета отпрыску знатного рода, служащего Вящему Совету много поколений. Поэтому смачно выругался, забрал коней и ушел.

Берг дождался, пока друг скроется с глаз, опустил на колени, склонил голову.

– Праматерь Безокая Великая, благослови длань мою, клинок сжимающую. Прошу, через меня даруй этим несчастным покой. Увидь, что не во зле и не удовольствия ради забираю их жизни, но во избавление их от мучений и смерти страшной. Пусть не ляжет деяние сие грехом на мою душу, а коль неугодным его все же сочтешь, то карай меня по Своему усмотрению. Все снесу, но смотреть на беззаконие сие я не в силах, оттого смиренно беру на себя роль посланника смерти и верить буду, что дело доброе свершаю.

Произнеся это, Берг осенил себя знамением и подошел к старушке, которая сидела на земле, привалившись спиной к уцелевшей части сарайной стены. Белые пряди выбились из-под съехавшего набекрень платка, по морщинистым щекам тянулись мокрые дорожки слез. Старушку била крупная дрожь, она дышала хрипло, с присвистом. Когда Берг опустил перед ней на корточки и приставил кинжал к горлу, глаза ее неожиданно просияли радостью. Она слабо улыбнулась и, с трудом разлепив обветренные, пересохшие губы, прошептала:

– Спасибо.

В тот день Берг услышал это слово еще двадцать четыре раза, а потом присел на пенек у обвалившегося крыльца крайнего дома и немигающим взглядом уставился на кинжал, с которого медленно капала густеющая кровь. Простая, удобная рукоять в оплетке из черной кожи, по краю лезвия серебряный обклад. Он получил это оружие для расправы над нечистью и никогда даже мысли не допускал, что направит его на обычных людей.

Когда все успело так круто перемениться?

Берг до боли в челюсти стиснул зубы. Чувствовал: сегодня он потерял часть души и вернуть ее вряд ли получится.

Глава 6. Что в тени прячется?

Из Надмирного града, через все Дремское княжество с его бесконечными лесами до огромного, полноводного озера Искренка на самой границе с Овражным княжеством – такой путь наметили себе единцы. А дальше им надо будет решить: обогнуть озеро верхом, либо сэкономить время и заплатить лодочнику. Тот на другой берег напрямик в Стародубки людей вместе с конями на плоту переправит.

Берг, развернув на коленях карту, в очередной раз сверился с маршрутом, а затем отметил черным крестом уже третью по счету деревню, съединенную Вехой. Называть селения, подвергшиеся атаке Вех, «съединенными» предложил давеча Лутар.

– Пусть людей и не взаправду жрут, – рассуждал он. – Но питаются чужим временем. Съедают его, стало быть.

Берг просто согласился. Спорить не было мочи. Сил хватало только на то, чтобы в седле держаться, потому что сон к нему больше не шел. Так, дрема, как при горячке, накатит, а в голове не сны – видения бредовые роятся. Одно за другим перед внутренним взором мелькают ночь за ночью сморщенные, жутко улыбающиеся лица, которые, шамкая беззубыми деснами, все повторяют: спасибо, спасибо, спасибо. И количество их неуклонно росло. Облегчив участь одних несчастных, Берг попросту не мог равнодушно пройти мимо других. Лутар, конечно, порывался разделить с ним эту тяжелую ношу, но Берг его к старикам и близко не пустил: не желал, чтобы и друга измучили кошмары.

На последнюю съединенную деревню единцы наткнулись два дня назад, и с тех пор сделался Берг молчаливее прежнего. Однако попыток растормошить друга Лутар не бросал.

– Завтра пора бы уже одежды сменить, – сказал он, подразумевая их план в Стародубки под видом обычных путников заявиться, а не гонителей.

На лес, через который пролегал их путь, давно опустилась ночная темень. Гонители поужинали и теперь сидели у костра, наслаждаясь теплом летней ночи, травяным чаем и заслуженным отдыхом. Тускло поблескивал молодой месяц в просветах между кронами вековых дубов, сосен и елей. В бездонной вышине дрожали холодные звезды. Этот привал был последним перед тем, как единцы снова выйдут на большак. Он приведет их напрямик в городишко Озерец недалеко от того самого озера Искренка, откуда до Стародубок рукой подать.

– Сменим, – согласился Берг и убрал карту в сумку.

Он допил чай, поднялся и сложил в еще невымытый котелок остальную грязную посуду.

– Брось, – лениво потянулся Лутар и придвинул к себе седло Быстяна, чтобы положить его под голову. – С утра все приберем.

Берг одарил друга осуждающим взглядом, прихватил щетку и пошел к ручью. Лутару осталось только тяжело вздохнуть. Вскоре он уже сладко спал, раскинув руки в стороны и видя красочные сны, в которых к нему льнули пышногрудые девицы.

До ручья было шагов пятнадцать. У воды лес немного редел. По мере приближения к Овражному княжеству, открытых пространств в целом становилось все больше. Деревья уже не теснились так, будто стремились сплестись в единую стену. Многие бы порадовались тому, что выберутся наконец из чащи к свету, но не Берг.

Леса он любил всем сердцем, но была та любовь болезненная, удушающая, потому как принадлежала не Бергу-человеку, а *ему* – существу, всею душою ненавистному. Оттого по возможности единец лесов избегал. Глупое, конечно, и недостойное взрослого мужчины поведение, но Берг решил, что вправе позволить себе немного повредничать, раз уж иначе *этой твари* досадить не получалось.

И все же, оказываясь среди дубов, березок, ясеней и кленов, пушистых елей и высоченных сосен, Берг не мог не ощущать какого-то детского восторга, удовлетворенности и тепла,

точно вернулся в отчий дом после долгого отсутствия. Это злило, заставляло казаться слабым, напоминало о том, что есть битвы, в которых не победить никогда, и от уязвимости этой спасет лишь смерть.

Но сегодня Берг дико устал. Невмоготу было гневаться. Он даже не заметил, как закончил с мытьем посуды, да так и остался сидеть у ручья, опустив руки в прохладную воду, будто она могла смыть все его тревоги и воспоминания о мертвых деревьях.

Из оцепенения его вывел шорох в зарослях на противоположном берегу. Берг в один удар сердца вскочил на ноги, потянулся к поясу, но вспомнил, что оставил оружие у костра. Замер, напряженно всматриваясь в медленно покачивающиеся метелки дербенника. Ничего. Но тут *она* уловила запах. Рядом был зверь, какой не разобрать: слишком слабо он отчего-то пах. Берг взгляделся пристальнее, но опять ничего не увидел. Однако чувство, что сам он как на ладони, не покидало. Прислушался, но кроме редкого кваканья лягушек, журчания ручья да уханья сов, ничего толком не расслышал. Кем бы ни был незванный гость, двигался он на редкость бесшумно и прятался отменно. Коль напасть захочет, ни за что не угадаешь, с какой стороны выпрыгнет.

Серая волчица наблюдала за мужчиной на противоположном берегу ручья с любопытством. Не каждая девка станет так посуду намыывать, а этот вон как старается, будто от чистоты этих мисок и кружек жизнь чья зависит. Вот ведь диво дивное, чтобы мужик по хозяйству не хуже бабы хлопотал. Еще и грустный такой, бледный. Неужто захворал в дороге? Косая сажень в плечах, а жалкий до невозможности, так и хочется отчего-то к груди прижать, по волосьям непослушным погладить и утешение пошептать.

«Не таким я тебя запомнила, Берг из рода Умрановых, сын Велимиров, – с грустью подумала волчица. – Жизнь тебя, видать, поболее моего потрепала».

Волчица стояла неподвижно, гордо вздернув голову. Посмотрит кто со стороны – и почудится, будто ее серебряной пылью осыпали или сам звездный свет в шерсть густую вплели. Но сияние то не каждому видеть было дано. Берг вот ничего не замечал, хоть время от времени и зыркал на заросли перед собой. Даже глаз звериных янтарных не узрел, а уж они-то в ночи яркими желтыми огоньками полыхали.

«Тоже мне, гонитель называется, – усмехнулась мысленно волчица. – Ты ж дальше своего носа не видишь. И как же ты с такими умениями чародея тут искать собрался?»

«Не глумилась бы ты над ним, сестрица. Енто ж не проходимец какой бестолковый. А вон как ща опомнится он и нас приметит? И дружок его, не ровен час, на подмогу прискачет», – раздался звонкий детский голосок в голове у зверя.

Волчица посмотрела налево. Рядом на пеньке сидел лешачонок размером с зайца. Тельце на человеческое похоже, но сбито плотнее. Кроме лица, стоп босых и ладоней, весь коротким буро-зеленым мехом покрыт, из которого торчат мелкие веточки и сухие листочки, кое-где к шерстке пристали кусочки мха. Лешачонок носил набедренную повязку из травы. Носик-пуговка беспрестанно подергивался, как у мышонка. Круглоголовый, лопоухий, он, не моргая, смотрел на волчицу глазками-блюдцами с радужкой в тон цвету меха, и нервно заламывал тонкие пальчики с длинными коготками.

«Не глумлюсь я, Яшик, а беспокоюсь о нем», – ответила волчица все так же, мысленно.

«Ты его знать не знаешь, чего о нем печься? Пушай валит восвояси, пока ему и его дружку дедка Борун бока не намял. Пугни-ка его как следует», – забавно погрозил кулачком Яшик.

«Нельзя ему пока восвояси», – отозвалась волчица, припала на передние лапы и потянулась с наслаждением.

«Почем думаешь, что нельзя?» – в лешачонке разыграло любопытство. Взрослые вокруг вечно говорили загадками, а ему так хотелось все знать, с ними умные беседы вести.

Волчица оскалилась, что означало в тот миг ласковую улыбку, и махнула лапой, ступай, мол, своими делами займись, а в мои нос не суй. Яшик обиженно надул пухлые щечки, спрыгнул с пенька и, понутив голову, поплелся прочь. Под его ногой хрустнула ветка, но лешачонок не обратил на это внимания.

Зато обратил гонитель у ручья, встрепенулся. Несколько ударов сердца он смотрел прямо на волчицу, но она и не подумала бежать, знала, что лесные тени от любого взгляда скроют.

– Я не тут, не там, не видать глазам, – зашептал зверь нежным девичьим голосом. – Не слышь, не смотри, по делам своим иди. Пред тобой дурман, за тобой дурман, видеть лес насквозь я тебе не дам.

Плечи гонителя расслабились, черты лица смягчились, он подобрал посуду и вернулся к костру.

Волчица последовала за ним. Бесшумно ступали ее лапы, словно и не касались земли вовсе, трава и кусты сами раздвигались перед нею, а тьма поглощала любые звуки, что могли выдать крадущегося зверя.

Волчица села у кромки пятна света, отбрасываемого затухающим костром, дождалась, пока гонитель помолится, устроится на ночлег и задремлет. Она приблизилась к нему вплотную, когда от костра остались лишь тлеющие уголья. Кони, привязанные неподалеку, навестили уши, но и они ночную гостью не увидели, поэтому быстро успокоились.

Светловолосый гонитель, спутник Берга, спал как убитый. Берг же все ворочался во сне, ресницы его подрагивали, с губ слетали невнятные бормотания.

Волчица села рядом, пристально уставилась вдаль, заговорила негромко человеческим голосом:

– За Рубеж зрю, на пороге стою. Одна нога в Яви, другая в Нави. Тени кругом ходят, хоровод водят. В хороводе том и свои, и чужие, а кто не наши, пусть отдельно пляшут. Ты их Кромешник за руку возьми, от теней своих отдели, из лесу гони.

Лес заволновался. Колыхнул ветер макушки деревьев, посыпались вниз редкие листья, да мелкие сухие веточки. Захлопали крыльями потревоженные пичужки, сердито заухали совы. Крхх-крхх – будто когтями острыми по стволу кто провел. Протяжное, глухое, недовольное «хууу...» долетело из чащи. На поляну, где отдыхали гонители, выскочил заяц, напугал было лошадей, но волчица только лапой повела, и коней вмиг дрема одолела. Не проснулись и мужчины. Заяц боязливо прошмыгнул близ волчицы и был таков.

– *Не хотят идтить, хотят тут бродить*, – отозвался, наконец, Кромешник – древний дух, старший над всеми тенями; на глаза волчице он не показался. Голос его скрипел старым деревом на ветру, смешивался с неразборчивым шепотом теней, снующих туда-сюда. – *Я их прочь гоню, путь верный кажу. Но не я их привел, ни тени мои, сами они за ним следом пришли, крепко приросли. Мне их не оторвать, могу лишь лики тебе их показать.*

– Показывай, – велела волчица.

Среди деревьев один за другим стали проступать полупрозрачные голубоватые силуэты. Набралось их не один десяток: мужчины, дети, старики, женщины с младенцами на руках.

– Чтобы кому-то покой даровать, надо уметь отпускать. Неужто и этой простой истины не разумеешь? – произнесла волчица, покачав головой и переведя взгляд с силуэтов на лицо Берга. – Глупый, глупый гонитель. Вина твоя держит их в мире этом. Ты должен дать им уйти, иначе не видать покоя ни тебе, ни им.

Берг заворочался, но волчица поставила лапу ему на грудь.

– Светом и Тьмой, ветром и водой, огнем ярким, землей сырой, спи крепко, знай покой. На эту ночь, все дурное прочь. Солнце взойдет, сонный дурман спадет, глаза распахнешь, силу возьмешь, день легко проживешь.

Зверюга убрала лапу, склонила голову набок, подмечая, как разглаживаются морщины на лице Берга, как выравнивается дыхание и расслабляются конечности.

– А я бы ему помогать не стал, – Яшик появился точно из ниоткуда и уселся прямо на грудь Лутару, который при этом даже не шелохнулся. – Пушай бы они его поедом ели.

Волчица глянула на лешачонка с явным неодобрением, но не прогнала, а терпеливо принялась объяснять:

– Не мучить они его пришли или бранить, а благодарить. Уйти жажнут, но не получается. В нем вины много. Вроде как лучше хотел, а корить себя, что не сберег их, перестать не может. Вот и таскает их всех за собой вместе с виной этой.

– Так ты енто, сама отпусти, шоб по окрестностям не шаркали. – У Яшика в ручонке вдруг возник мухомор, у которого он с наслаждением принялся поедать шляпку.

– Отпустить-то я могу. Но ничего путного из этого не выйдет. Вина никуда не денется, так и потянется за ними, а вместе с ней и часть его души сгинет. Сам он разобраться должен, примириться с горестями своими. Я могу отогнать их от него лишь на время, как сейчас.

– Яфно, – сказал лешачонок с набитым ртом. – Профлемный кафой, тьфу на ефо.

Волчица закатила глаза.

– Уходим.

Яшик прыгнул с Лутара, но не удержался и, когда волчица повернулась к нему спиной, прошептал над вещами единца пару слов. Ничего серьезного, просто муравьишек подозвал, чтобы те заползли везде, где смогут. Ну не в силах был Яшик к пришлецам отнестись с пониманием, хоть старшие того и требовали. Недолголюбивал он псов Совета всем своим крошечным лешачьим сердечком. Жаль, правда, что не увидит, как презренный гонитель будет все утро муравьев из своих пожитков вытравливать.

Проснулся Берг под отборную брань Лутара.

– Етить вас в душу, – цедил тот сквозь зубы, зачем-то ковыряясь при этом прутиком в ножнах от меча, который лежал на земле неподалеку. – Ууу, нечисть поганая. Выпердыши козы, мать вашу!

Присмотревшись внимательнее, Берг понял, что за «беда» стряслась у друга – муравьи. Маленькие шустрые насекомые толпами шныряли по вещам Лутара. Берг поспешил проверить свои пожитки, но никаких злостных маленьких захватчиков там не обнаружил. Снова перевел взгляд на Лутара и впервые за несколько дней от души расхохотался.

– Смешно тебе? – окончательно расвирипела жертва муравьиной осады. – Хорош ржать как полоумный, помогай лучше.

– Тут уж ты сам как-нибудь, а я стряпней займусь.

Берг взял котелок и под непрекращающуюся ругань Лутара пошел к ручью. Утро было чудесным. Солнце уже окрасило все рассветным золотом, но еще не пекло и не душило своим жаром. Проснулись и весело щебетали птахи, жужжали стрекозы у воды, квакали в зарослях аира лягушки, шуршали под прошлогодней прелой листвой и хвоей мышки. Переговаривались громким карканьем степенные вóроны, следящие за Бергом с ветвей. Пахло свежестью, мхом и болотной незабудкой, разросшейся вдоль ручья.

Но очарования утра и след простыл, стоило Бергу склониться к воде, чтобы наполнить котелок. Нахлынули воспоминания прошлой ночи. Он выронил котелок и резко выпрямился. Шумно втянул воздух, но *оно* не учуяло волшебья. Берг прошелся вдоль ручья, принюхался – ничего. Перепрыгнул на другой берег, туда, где вчера, казалось, кто-то был. Снова ничего: ни травы примятой, ни следов, ни веток обломанных, ни клочка шерсти.

Но зверь тут был, Берг помнил свои ощущения отчетливо.

«Зверь может быть просто зверем, а не колдуном или нечистью», – услужливо напомнил внутренний голос.

Верно. Однако в какой момент Берг потерял бдительность и беспечно завалился спать? Почему не растолкал Лутара, не обошел их стоянку, чтобы убедиться еще раз в безопасности выбранного места?

А потом Бергу и вовсе стало не по себе. Только сейчас он осознал, что спал без кошмаров, крепко спал, аки младенец под мамкиной титькой. И сил этим утром в теле было хоть отбавляй, и голова ясная, и настроение отменное.

На задворках сознания внезапно всплыли обрывки фраз: «...на пороге стою...», «...тени...», «...хоровод...», «...следом пришли, крепко приросли...», «...надо уметь отпустить...», «...глупый, глупый...»

Берг коснулся груди, оттуда по телу словно тепло разливалось. Он оставил котелок у ручья и бросился к кострищу и бранящемуся Лутару. Под непонимающим взглядом друга принялся обыскивать поляну. Осмотрел каждую травинку, каждую кочку, перетряхнул свои вещи, а потом взялся разглядывать стволы близлежащих деревьев. Отшатнулся, когда на одном из них увидел глубокие борозды от когтей.

«...Кромешник...», «...покажи...», «...дурман...», «...глаза распахнешь, силу возьми...»

– Прошу, найди же хоть что-то, – в кои-то веки взмолился *ему* Берг.

– Ты же знаешь, что ведешь себя донельзя странно? – Оказалось, Лутар все это время ходил за другом по пятам и ждал, пока тот успокоится и расскажет, что стряслось.

Берг растер лицо ладонями, помотал головой и выложил Лутару все о событиях прошлой ночи. Под его рассказы они вернулись к ручью за котелком, а потом развели костер.

– То есть, – Лутар покосился на свои вещи, которые с огромным трудом все же очистил от муравьев, – ты утверждаешь, что некто одурманил тебя, уложил спать и кошмары твои прогнал, а мне муравьишек подкинул забавы ради?

– Именно так. – При упоминании муравьев Берг не смог сдержать улыбку.

– Смешно тебе? – ткнул его в плечо кулаком Лутар. – А мне вот ни хрена не весело. Я этих тварей пол-утра из всех щелей выковыривал.

– Это тебе в наказание за то, что дрых без задних ног, пока вокруг нечисть шастала, – Берг назидательно воздел к небу нож, которым резал хлеб.

– Померещилось тебе все, – отмахнулся Лутар. – Не спал много дней, вот тебя и сморило наконец.

Берг вопросительно выгнул бровь, дескать, сам-то в свои слова веришь?

– Ну подумай, – пустился в рассуждения Лутар. – Где это видано, чтоб вокруг единцев звери дикие шастали или нечисть, а мы ни сном ни духом? Не бывает так. Мы оттого и лучшие в своем деле, что мимо нас муха незамеченной не пролетит, а уж нечисть и ведьм на раз-два чуем. Исключено, – Лутар хлопнул себя ладонью по колену. – Не могло тут никого быть. Тебе от усталости всякое мерещится, вот и все объяснение.

– А следы когтей на дереве?

– Медвежьи.

– Так свежие ведь совсем. Как мы медведя-то могли не услышать? – Берга доводы Лутара ничуть не убедили, только больше сомнений посеяли. Вода в котелке закипела, и он засыпал туда крупу.

– Может, он незадолго до нашего прихода тут бродил, – беспечно развел руками Лутар.

После победы над полчищем муравьев он заметно расслабился. Такова была натура Лутара – искать хорошее даже там, где его попросту нет. В отличие от Берга, он не строил догадок, не утомлял себя бесконечными размышлениями, а просто мгновенно подстраивался под ситуацию. В понимании Лутара не случилось ничего страшного. Даже если нечисть и правда наведальась на поляну ночью, ну и что? Не напала ведь, не покалечила, не обокрала, даже коней не напугала. Чего об этом трепаться? Всяко случается, и от промашек никто не застрахован,

единцы в том числе. На месте Берга Лутар бы от души радовался тому, что удалось выспаться и взбодриться.

– Дружище, – Лутар крепко сжал плечо Берга, – ни ты, ни я волшбы не чуем. Если тебя кто усыпил, а мы и ухом не повели, значит, чары сильные применялись. Должно было хоть что-то остаться. Ты же и сам это понимаешь. Не может сонная волшба бесследно раствориться. Так попросту не бывает.

Берг повернулся к Лутару, и в глазах его читалась твердая убежденность в собственной правоте.

– Бывает, – и слово это камнем повисло в воздухе.

Веселость с лица Лутара мигом испарилась. Сразу вспомнились и отчеты гонителей о Стародубках, и странные прошения князей, и то, что все вокруг на волшбу намекало, но доказательств за столько лет проверок не нашлось. Теперь Лутар заговорил серьезно:

– Если бы такое было возможно, Отец Зрящий и настоятель уже догадались бы давно и направили сюда не нас с тобой, а несколько отрядов как минимум. Исчезли природные ведьмы, Берг, много десятилетий назад сгинули все до последнего. Кабы хоть кто-то уцелел, не видать бы нам сейчас спокойного житья.

– Все сходится, – Берг неспешно помешивал кашу. – Если в Стародубках природного колдуна пригрели, то тяжко нам придется. Мало того что местные его по доброй воле не выдадут, так еще и хрен пойми, как его вообще искать.

– Да-дааа, – протянул Лутар, – я тоже слушал лекции просветника Тихона о ведьмах, чья волшба от самой природы идет, и поэтому одно от другого не отделить.

– Не мог настоятель о таком не подумать, – Берг до побелевших костяшек сжал деревянную ложку, и та сломалась. – Но почему с нами тогда не поделился? Ведь если чародей природный объявился, то появление Вех уже не кажется неразрешимой загадкой.

– Эко тебя понесло, братишка. Угомонись. Невозможно это. Если бы сюда вчера природный колдун забрел, нашими трупами уже бы зверье лакомилось. А вместо этого кошмары твои исчезли.

Лутар понимал: согласится с Бергом и все – конец, позабыть можно о спокойной жизни, да и в целом о жизни. Берг не из тех, кто, прознав о таком, восвояси уберется и отчетик накалякает, дескать, так и так, все вдоль и поперек облазили, ничего не нашли. Нет, этот дурень не уgomонится, пока голову тому колдуну собственноручно не оторвет. Да только шансов на то, что сам при этом уцелеет, почти нет. Последнюю природную ведьму, коль летописям верить, две сотни гонителей загняло. Считай, все полегли, а Лутару еще пожить хотелось, и Берга хоронить он тоже не собирался. Оставалось молиться Праматери, чтобы никаких колдунов в Стародубках не сыскалось.

Глава 7. Все чуднее

Утренний разговор о природных ведьмах омрачил дальнейший путь единцев. Впервые с начала их совместного путешествия молчали оба. Не потому, что сказать было нечего, а потому, что каждое новое озвученное предположение склоняло чашу весов в сторону правоты Берга. Это угнетало. Как искать и ловить того, кого невозможно выследить ни одним из известных гонителям способов? Даже в былые времена природных колдунов вычисляли только благодаря доносам или ошибкам, которые те случайно допускали.

Как давно они не объявлялись? Берг попытался припомнить. Кажись, лет двести уже прошло со дня последней облавы, о которой давеча говорил Лутар. Плохо дело. То поколение гонителей, что видело природных ведьм воочию, сгинуло, а такие, как Берг и Лутар, о природных только из книг старинных и мемуаров прежних единцев знали.

Дорога вилась вдоль реденького перелеска, скоро должен был показаться большак, а по нему до Озерца всего полчаса пути. Кони шли неспешным шагом, седоки их не подгоняли. Еще утром единцы сменили одежды. Переоделись в простые белые рубахи с тонким красным узором на воротниках и манжетах, холщевые порты и кожаные сапоги с отворотами. Подпоясались расшитыми поясами. Оружие и ножны со знаками Церкви замотали отрезами тканей и припрятали под седельными сумками.

– Они не могли сказать, – неожиданно заговорил Лутар, жуя при этом травинку.

Берг сразу понял, что речь об Отце Зрящем и настоятеле, согласно кивнул.

– Точнее, – продолжил Лутар, – побоялись. Отправлять сюда несколько сотен гонителей, руководствуясь одними домыслами, было бы несусветной глупостью. А если тут никого нет? Если этот уголок Междукняжья просто любим Праматерью, вот она и бережет его? В столь тяжелое для княжеств время Вящий Совет просто-напросто не может допустить оплошность. Это наверняка сильно пошатнет их авторитет.

Берг криво усмехнулся и развил мысль Лутара:

– Народ Братство живьем сожрет, если нагрянем толпой и станем хватать всех без разбора, в надежде словить нужного человека. А настоящий колдун тем временем в суматохе сотню раз ускользнуть успеет.

– Если не решит напасть, вместо того чтобы бежать. Коль рассказы о силе природных ведьм правдивы, одной Праматери известно, сколько тогда людей поляжет, – осенил себя знамением Лутар и по привычке быстро прошептал обережную молитву.

– Все равно слишком многое не сходится. Даже если то всего лишь догадки, нас могли бы и... – Берг осекся, пристально вглядываясь вдаль: в стороне, где, согласно карте, располагался город Озерец, ввысь тянулись столбы густого дыма.

Единцы, не сговариваясь, пустили коней в галоп.

Понять, что в Озерец нагрянула Веха, было несложно. Таковую вот жухлую траву, засохшие деревья, кусты, немощный скот, едва передвигающий ноги от внезапно подкравшейся старости, кучки дохлых насекомых и поседевших пастушьих псов с бельмами на глазах, которые заходятся в хриплом лае, единцы видели уже не раз. Но кое-что все же выбивалось из привычной картины: сам Озерец остался цел. Пострадала лишь небольшая часть тына, окружающего окольный город, да покосилась надвратная башня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.